

Глава V

ВЕСЕЛОЕ И СЧАСТЛИВОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ДОЧЕРИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ИМПЕРАТРИЦА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Слабо подготовленная к управлению делами государства, не имея иного опыта, кроме впечатлений от недолгого царствования своей матери, Елизавета по складу натуры не годилась для просматривания всяких пыльных папок с бумагами. В обиходе живая, игривая, она тотчас становилась медлительной и унылой, едва заходила речь о принятии важного решения. Десять лет правления изменили ее характер. Если приветливая царевна дней былых, по видимости, еще и существовала на свете, то под этой маской жила отныне авторитарная личность, чем дальше, тем больше обуреваемая тщеславным властолюбием.

Бессонницы императрицы, сказать по правде, стали пыткой для всех обитателей дворца. Живя в страхе государственного переворота, она ложилась в постель далеко за полночь, часа в три-четыре, причем рядом бдел камергер, оберегающий ее сон. Чулков, ее бывший любовник, дремал у изножья кровати, бросив на пол тюфяк и две подушки. Эта служба принесла ему выгодный брак, высокий ранг и орден Андрея Первозванного. Чтобы снять тревожное напряжение, Елизавета приказывала приближенным фрейлинам чесать ей пятки, даром что те и сами были измучены бесконечными бдениями. Рано поутру дамы уступали место фавориту-

одногодневке. В полдень императрица наконец вставала; Чулков же обыкновенно велел будить себя свирепыми мерами: дерганьем за уши или щекотанием под мышками¹.

Алексей Разумовский занимал покои рядом с императрицыными; с возрастом он начал страдать ревматизмом и поневоле часто сидел у себя безвылазно. Тогда Елизавета сама отправлялась к нему, чтобы поужинать с глазу на глаз. Иногда она затевала там пирушки в узком кругу друзей — с Воронцовыми или Шуваловыми. Также она любила посещать его загородный дом в Гостилицах, бывшем поместье Мишиха. Там разыгрывали театральные пьески или охотились. С ее близкими «ночной император» всегда держался очень естественно, открыто, чуть иронично, однако без тени злости. Когда у него воровали деньги, он притворялся, будто ничего не замечает². Только под воздействием спиртного его истинный нрав подчас давал себя знать: напившись, он лупил своих подчиненных палкой. Большим достоинством Алексея Григорьевича являлось то, что он избегал всяческой политики; он пекся только об интересах церкви и разделял с Елизаветой ее пылкую набожность. Будучи корыстным*, этот выскочка очень носился со своим титулом графа германской империи и строго следил за соблюдением этикета. Императрица прилюдно демонстрировала близкие отношения с Разумовским: поправляла ему воротник, застегивала плащ, чтобы он не простудился. Каждый приступ артрита, настигавший морганатического супруга, служил для нее поводом сбежать от государственных дел, удалившись в его покои; подписи у нее приходилось вымалывать прямо у изголовья больного. Алексей всю жизнь оставался верен Елизавете; что до нее, она его любила, но, старея, не могла воздержаться от погони за новыми ощущениями. После множества мимолетных приключений она предоставила привилегированное место фаворита Ивану Шувалову, но за Разумовским сохранялись его покои в различных императорских

* Это субъективное мнение автора.

резиденциях. В своем Аничковом дворце он утешался тем, что задавал роскошные обеды, где и царица по временам появлялась; не один дипломат сетовал, что разрушил там свое здоровье, ибо приходилось обжираться, да притом украинскими кушаньями, которые, по мнению иностранцев, и переварить-то невозможно³. Несмотря на свою строгую набожность, Разумовскому случалось задавать балы в самый разгар поста; в сентябре 1754 года рождение Павла Петровича, долгожданного наследника, стало даже поводом для маскарада⁴.

Несмотря на восемнадцатилетнюю разницу в возрасте, царица до конца своих дней прожила в согласии с молодым Иваном Шуваловым. Будучи весьма образованным для русского тех времен, он интересовался литературой и умел возбудить в государыне любопытство к изящным искусствам и наукам; благодаря его влиянию она стала проводить новаторскую культурную политику. Разумовский на эту связь не жаловался, он и сам завязал с молодым человеком добрые отношения, которые поддерживал, согласно последним исследованиям, опубликованным на Западе. Двор, приученный к шалостям императрицы, быстро освоился с новым положением вещей. Только Бестужев проводил бессонные ночи, отчаянно ломая голову, как бы отвлечь внимание царицы на каких-нибудь мужчин, попроще...

Любовные похождения Елизаветы ни для кого не были тайной. Она, не смущаясь, располагала четырьмя воздыхателями одновременно. Чтобы доставлять ей удовольствие, у каждого была своя, четко определенная роль. Обеспокоенная признаками увядания, подстерегающая появление каждой морщинки, она выбирала себе таких партнеров на одну ночь, с какими рассчитывала пережить иллюзию возвращенной юности. Певец Каченовский или актер Бекетов дарили ей недолгое счастье так же, как молодцы из Преображенского гвардейского полка, выбираемые в зависимости от потребностей переживаемого момента: то за мечтатель-

ный взор, то за широкие плечи, то за изящную походку или бархатный ласкающий голос, обаянию которого она поддавалась столь часто. Погружаясь в молитвенную благоговейную сосредоточенность, она не оставалась равнодушной и к бороде славного попа или красавца архимандрита; некоторые сливались с ней в мистических экстазах, накрепко связанных с уладами плоти. Только дыхание, отягощенное табачным или чесночным духом, а то и запахом яблока, могло заставить ее отказаться от сближения со счастливым избранником⁵. Сознывая, что в понимании политических вопросов у нее есть немалые пробелы, она без критики прислушивалась к суждениям государственных мужей — Лестока, Шетарди, Воронцова, даром что тот был робок с виду, и, наконец, Петра Шувалова, всем им, до поры, позволяя мягко направлять ее. Но и эти советники, архитекторы ее царствования, были не гарантированы от императорского гнева — порукой тому участь ее личного врача, испытавшего арест, пытку, изгнание.

Гомосексуальные отношения мужчин Елизавета расценивала как оскорбление, наносимое женскому полу. Когда толки, окружавшие Фридриха II, не слишком склонного уделять внимание своей супруге, достигли Петербурга, это укрепило ее в неприязни к пруссаку. Однако же и Петр Великий без колебаний развращал кое-кого из своих приближенных, и она сама питала весьма нежные чувства к некоторым подругам детства, в особенности к Мавре Шуваловой. Иноземных наблюдателей сбивало с толку ее пристрастие к переодеваниям в мужской наряд, особенно когда она принималась бесстыдно соблазнять ту или другую свою фаворитку, а подчас, в дни выездов за город, и простых крестьянок. Однако собственные грешки не делали императрицу снисходительной: ее эскапады — это одно, сексуальная жизнь окружающих — совсем другое. Вообще поведение Елизаветы по отношению к женскому полу, колеблясь между крайней приветливостью и свирепым эгоцентризмом, обнаружи-

вало двойственность ее надменного характера. Она любила отбивать поклонников у своих придворных дам, но сама не терпела никакого соперничества. Украшать себя прическами и нарядами, напоминающими те, в каких щеголяет ее императорское величество, было строжайше запрещено — в противном случае дерзкая могла отведать кнута и отправиться в сибирскую ссылку, да еще язык прежде отрежут. Ибо Елизаветины уборы должны были оставаться единственными в своем роде — горе той, кто осмелится надеть парик с завитками или воткнуть в волосы розу в то время, когда это сделает царица⁶! Стены дворцов содрогались от буйных припадков ее ярости, она была способна вцепиться в кудри соперницы, растрепать ей прическу, отхлестать по щекам, швырнуть ей в лицо свои туфли или изорвать на ней кружева. История Натальи Лопухиной, битой кнутом и сосланной в Селенгинск, долгие годы служила предостережением для всех красавиц: прошения несчастной о помиловании оставались без ответа во все продолжение царствования, она вновь появилась, совершенно неузнаваемая, в русской столице лишь в 1762 году, после смерти императрицы⁷.

Отношение Елизаветы к детям давало повод самым безумным слухам. Во время трапез в ее дворцах звенели веселые детские крики — она любила приглашать ребятишек на угощенье⁸. Отсюда один шаг до того, чтобы поверить, что некоторым из них она приходилась матерью. Легенда приписывает дочери Петра Великого восьмерых детей! Дважды — 5 марта и 14 мая 1743 года — д'Аллион упоминает о десятилетней девочке, которую растят при дворе с чрезвычайной заботливостью. Поговаривали, что ее отцом был Шубин — царицын любовник, с 1732 года лишенный былых прав. Воспитание девочки было доверено гувернантке, барышне Шмидт, потом некоему греческому купцу было поручено за 6000 рублей доставить ее в Москву. Эту неведомую юную особу, по слухам, приняли в число незамужних компаньенок Елизаветы. На самом деле ее и впрямь в

1743 году назначили фрейлиной, да только речь шла всего лишь о племяннице Разумовского⁹. Была еще таинственная молодая женщина Елизавета Тараканова, предполагаемая дочь Разумовского и императрицы, в 1770-х годах погибшая при подозрительных обстоятельствах, возможно, убитая по приказу Екатерины II*¹⁰. Однако ни одно официально признанное дитя не появлялось ни при дворе, ни подле кого-либо из любовников императрицы. А почему бы Елизавете, не делавшей тайны из своего союза с Алексеем, так уж скрывать свое потомство? Ведь ее брак был благословлен церковью, значит, своих детей она могла бы узаконить. Она назначила престолонаследником племянника, но когда этот молодой человек, бунтарски отвергнувший русскую культуру, разочаровал ее, она могла бы выдвинуть взамен собственного сына. И потом, несмотря на полноту Елизаветы, наиболее опытным наблюдателям бросались бы в глаза ее столь частые беременности; к тому же царицын образ жизни, до отказа насыщенной празднествами, путешествиями и строгими постами, да и общее состояние ее здоровья, сильно подорванного распущенностью, представляется несовместимым с родами, повторяющимися через краткие промежутки времени.

Больше похоже на то, что материнство Елизавете не давалось. Недаром в 1754 году, как только на свет появился Павел, сын Петра и Екатерины, императрица немедленно забрала младенца, чтобы растить его в своих покоях. Она велела изготовить для него детскую коляску, обитую мехом черно-бурой лисы. Ведь речь шла о правнучке Петра Великого, о внучке ее обожаемой сестры Анны! Такое грубое присвоение младенца в этом случае можно объяснить ее нетерпеливой жадной жаждой получить наконец второго наследника. Тем не менее в 1757 году, когда великая княгиня родила девочку, Елизавета реагировала так же. Хотя великий князь по-

* Речь идет о знаменитой княжне Таракановой, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы; она умерла в Петропавловской крепости 4 декабря 1775 года от чахотки.

началу отказывался признать свое отцовство, государыня вырвала крошку из материнских объятий, собравшись лично позаботиться о ее воспитании. В дипломатическом корпусе нашлось немало тех, кто приписывал одного из этих детей самой Елизавете¹¹. Такой образ действий, особенно в отношении маленькой Анны Петровны, показывает, до какой степени Елизавете хотелось понянчить ребенка. Когда 8 марта 1759 года девочка умерла, царица горевала безутешно, куда больше матери, для которой похороны стали поводом увидеться с Понятовским, предполагаемым родителем девочки¹². Елизавета и Разумовский придавали огромное значение воспитанию «племянников» — детей Кирилла Разумовского, так же пеклись они и о чадах своих наперсников — Воронцова, Шувалова, Румянцева. Большинство этих молодых людей были отправлены на Запад, где они совершенствовались свое образование. Они стали объектом особого внимания со стороны чужеземных кабинетов министров, озадаченных замысловатостью русских национальных обычаев. Елизавета хотела видеть вокруг себя безукоризненно воспитанных людей, но чтобы при этом их национальная идентичность и, главное, религиозная практика оставались незатронутыми. Ее последний общепризнанный любовник Иван Шувалов провел в Европе несколько лет, обзавелся там хорошими манерами, общей культурой и знанием иностранных языков, а вот то, что он примкнул к франкмасонам, от государыни тщательно скрывали.

Когда детей рядом не оказывалось, императрица любила играть с животными. Она осыпала ласками козочек Маркизу и Бижу, которые следовали за ней по пятам. Однажды Елизавете взбрело на ум распорядиться, чтобы из Голландии ей доставили маленьких желтых обезьянок (а обязанность привозить в Санкт-Петербург арахис — их любимую пищу — она возложила на государственного канцлера)¹³. Секретарям Сената она поручила воспитание двух медвежат, которых было велено обучить хождению на задних лапах и

прыжкам через палку. Их фокусы забавляли государыню, та без колебаний кормила их лакомствами из собственных рук. Иные животные, напротив, внушали ей ужас. Однажды во время загородной поездки шут вздумал изобразить перед ней дикобраза. Перепуганная царица забилась в свой шатер и просидела там, надувшись, несколько часов кряду. Дерзкого скомороха сначала отправили в Тайную канцелярию, а там и вынесли приговор за то, что напугал ее величество¹⁴. Мыши чрезвычайно досаждали царице, ее дворцы кишели грызунами. Она указом вытребовала три десятка громадных кастрированных котов, чтобы очистить императорские покои. Для ухода за котами был выделен специальный служитель¹⁵. У Елизаветы, как и у большинства ее современников, отношение к животным отличалось непреодолимой двойственностью: она могла исходить умилением при виде кролика, но в то же время приказать высечь управителя за то, что не нашлось достаточно зайцев для охоты¹⁶. Большая любительница лошадей, она была способна во время своих переездов загонять их десятками. Безжалостность ее в отношении этих животных превосходила всякое разумение. Как сама императрица, так и Разумовский могли изводить до 20 000 жеребцов для своих вояжей из Санкт-Петербурга в Киев. Высокопоставленные министры также загоняли порой до 4000 коней. Одному только брату фаворита Кириллу, будущему казачьему гетману, требовалось 200 почтовых карет на каждой станции¹⁷. По летнему времени смрад от разлагающейся падали, исходивший от русских дорог, вызывал тошноту у прибывших с Запада дипломатов¹⁸. Однако Елизавета, не в пример своему отцу, отказывалась присутствовать на кровавых зрелищах, особенно на боях между животными — она, напротив, запретила проводить их в городах.

Циклотимия, свойственная Елизавете, всех держала в страхе: императрица то была сверх меры приветлива, фамильярна даже при первом знакомстве с заезжими знаменитос-

тями, то выходила из себя по пустякам, раздражаясь грубой бранью и доходя до рукоприкладства, чтобы поставить на место ослушника (чья вина зачастую оставалась воображаемой). Личность государыни, подобно личности ее родителя, страдала раздвоенностью: набожная православная, пылкая паломница к святым местам, соблюдавшая посты с таким рвением, что доводила себя до недомогания, она не знала удержу там, где речь шла о наслаждениях. Склонная к беспечной лени, веселая и миролюбивая, она любила окружать себя сплетницами. Ее наперсницы сформировали свой тайный кабинет, где замышлялись любовные интриги, решались судьбы многих карьер, улаживались государственные дела. В годы царствования Елизаветы Россия познала истинный матриархат: мужчины мало что могли сказать там, где женщинам это было не угодно. Самому всесильному Бестужеву приходилось склоняться перед женским полом, начиная с собственной супруги — первой дамы двора. Если верить «Мемуарам» барона Фридриха фон дер Тренка, известного авантюриста и непримиримого врага Фридриха II, бразды правления находились именно в руках госпожи Бестужевой. Тренк славился своими легкими победами, и жена канцлера, по происхождению немка, не избежала его сетей. Описывая впечатления тех дней, Тренк не преминул сбрызнуть ядом свое перо. Анна Бестужева оказалась единственной особой, привлекшей его симпатии при этом императорском дворе, где царила посредственность, удручавшая мелкопоместного прусского барона. Будучи истинной правительницей империи, как он не без преувеличения утверждал, она сама решала, быть миру или войне. Что до Бестужева, он, по мнению Тренка, оставался лишь марионеткой в руках своей супруги, особы умной, хитрой и более величественной, нежели сама императрица. Эта пара, казалось ему, была плохо подобрана, ибо канцлер сочетал в себе такие противоречивые свойства, как изворотливость, эгоизм, слабодушие и мелочность, что делало его рабом собственной жены¹⁹.

Анна Карловна Воронцова, в девичестве Скавронская, приходилась Елизавете кузиной и, по сути, стояла во главе женской группировки, состоявшей из родни Екатерины I — потомства брата и племянниц последней. Фрейлины были более привязаны к императрице, нежели ее министры (зачастую — отставные любовники) или придворные, малопривлекательные, чтобы хоть мимолетно претендовать на роль фаворитов, а потому вынужденные сносить самое пренебрежительное обхождение. Эти женщины отнюдь не высокого происхождения, в 1740-х годах вознесенные в ранг первых персон двора, подыгрывали Елизавете во всех ее затеях, покровительствовали ее скороспелым амурам, устраивали ей любовные свидания. И все это происходило при дворе Анны Иоанновны, под посом ее тайной полиции, надзор которой был поистине удушающим. Став императрицей, Елизавета сохраняла к ним искреннюю и неиссякающую признательность; ночное почесывание ее царственных пяток служило знаком высочайшего доверия. Главной персоной этого маленького семейного двора являлась Анна Карловна, она в любой час дня и ночи была вхожа в императорские покои, когда требовалось выслушивать излияния Елизаветы. Стараясь особо не вдаваться в государственные дела, она довольствовалась пассивной ролью, разве что роныла то здесь, то там «мудрые замечания» своего мужа, тем самым подготавливая Елизавету к их восприятию. Среди прочих царицыных кумушек фигурировала еще одна ее кузина, урожденная Елизавета Осиповна Ефимовская, вышедшая замуж за Чернышева, с 1742 по 1746 год бывшего русским послом в Берлине. Самоуверенная, склонная к помпезным церемониям, она не смогла примириться со скромностью принятого в Потсдаме этикета: то, как их с мужем там приняли, она восприняла как личное оскорбление, а заодно и вызов, брошенный русской императрице. Рассказы этой дамы, дышавшие мстительным негодованием, подливали масла в огонь потаенной ненависти, которую ее госпожа питала к прусско-

му королю. Обстоятельные описания его нравов усиливали присущую Елизавете гомофобию²⁰.

Еще одна ее родственница, супруга камергера Николая Чоглокова, в качестве повышения была направлена на службу к великой княгине Екатерине. Мария Симоновна оказывала последней те же услуги, что некогда ее тетке по мужу: помогала скрывать любовные шалости своей госпожи — хотя, сказать по правде, не слишком строго хранила ее тайны. Будучи в первые годы нового царствования любовницей Воронцова, она в 1746 году переметнулась на сторону группировки Бестужева, отчасти случайно, в силу новых амурных связей, но также движимая жаждой власти. Другая царицына кузина, Христина Гендрикова, скоропалительно выскочила замуж за некоего авантюриста, в честь такой свадьбы получившего чин бригадира и камер-юнкера. Но когда до счастливого избранника (его фамилия была Самойлов) дошло, что его молодая жена строгой добродетелью не блещет, он осмелился ее побить, позабыв в своем гневе о высоком происхождении дамы. Истая феминистка задолго до появления этого термина, Елизавета мигом организовала развод и прогнала грубияна прочь из дворца. Что до Христины, легкомысленная и недалекая, она оказывала царице мелкие услуги (сообщала, что нового известно о приглашенных к императорскому столу, передавала записочки и т.п.), довольствуясь за верную службу довольно скромными подарками. Некоторые женщины делали карьеру фрейлин или камерфрау в силу «семейных уз» иного рода: Елизавете нравилось возвышать родственниц своих любовников. Так, выступила на первый план, к примеру, Мавра Шувалова, приходившаяся невесткой ее фавориту Ивану Шувалову*. Она возымела на государыню большое влияние, могла обсуждать политические вопросы, высказывать мнения, которые Елизавета охотно принимала к сердцу. Будучи супругой легкомысленного мужа, Мавра

* Скорее, Шуваловы обязаны своим возвышением Мавре.

обнаружила, что он спутался с дочерью государственного канцлера, — отсюда пошла ее беспощадная ненависть ко всем Бестужевым. Между тем Петр, ее донжуанствующий муж, ведал финансами империи; он ввел монополии и аренду, доля от использования которых отходила ему; табачные плантации, рыбный промысел на Белом море и лесное хозяйство также обеспечивали ему изрядные барыши. Поскольку ревнивое озлобление супруги угрожало семейному благоденствию, он вздумал сменить роли: обвинил канцлера в том, что он сам, недостойный отец, за деньги подсунул ему свою дочь. Скандал замяли, роману пришел конец, но в результате позиции обоих мужчин были ослаблены: Елизавета умела и позу ханжи принять, если потребуется²¹. А Мавра Егоровна торжествовала, что взяла верх над человеком, которого ненавидела. Кончина этой советчицы наступила в 1759 году, известие о ней в Берлине встретили с облегчением: там всю тешили себя предположениями относительно перемен при русском дворе, где все якобы вот-вот перевернется вверх дном²². У Мавры Шуваловой там была надежная опора в лице генеральши Марьи Андреевны Румянцевой: все знали, что эта особа — глаз и ухо императрицы. Дочь дипломата Матвеева, она воспитывалась за границей; вдвоем с подругой Маврой они составляли подробные отчеты о ходе иностранных дел. Возможно, однако, что даже эти дамы испытывали на себе все тяготы капризного нрава повелительницы.

Елизаветин двор слыл одним из самых развратных и расточительных во всей Европе. Жаловались на это дипломаты, страдала знать. Императрица предписывала вплоть до малейших деталей, как именно должны быть одеты ее приближенные. В 1752 году каждой придворной щеголихе было велено приобрести на собственные средства: сорочку из белой тафты с зелеными отворотами и каймой; зеленое платье с тонким серебряным шитьем; чепец с зелеными полями, а волосы держать высоко взбитыми. Камерфрау полага-

лось появляться при дворе в украшениях, стоимость коих должна была достигать 10—12 тысяч рублей. Белоснежный камзол с кружевами и серебристо-зеленым воротом строжайшим образом предписывался мужчинам; для застежки должны были служить серебряные пуговицы. И мало того: все эти предписания непрестанно варьировались. Сама Елизавета меняла свои наряды по несколько раз в день. Во время пожара Москвы она потеряла около 4000 платьев, каждое из которых носилось не больше одного раза. После ее смерти насчитали 15 000 нарядов, два полных сундука чулок, тысячи пар обуви, лент и отрезов из Лиона²³. К свадьбе великого князя сановникам двора выдали годовое жалованье, чтобы частично окупить расходы, которые им придется взять на себя.

Нарушая законы французского хорошего вкуса, императрица очертя голову увлекалась маскарадами. Вкус к ним она унаследовала от своего родителя; Елизавета обожала мужские наряды, поскольку они позволяли ей затмевать соперниц, демонстрируя безукоризненные скульптурные очертания своих ног²⁴. За первые три месяца царствования она успела покрасоваться в национальных костюмах всех народов империи. Маскарады при дворе устраивались дважды в неделю, она являлась на них то французским мушкетером, то казачьим гетманом, то голландским моряком²⁵. Излюбленные ею превращения мужчин в женщин, а женщин в мужчин оборачивались пыткой для обоих полов. Дамы не знали, как повернуться в тесных мужских костюмах, зачастую им приходилось стыдиться своей полноты или ног, стройностью которых не похвалишься. Что до мужчин, они потели в пышных платьях, не могли к ним приноровиться. Некоторые менуэты оборачивались катастрофой: танцоры, запутавшись в собственных юбках, подставляли ножку своим партнершам, те падали — Елизавета аж покатывалась со смеху.

Многочисленные праздники, затеваемые императрицей, и в особенности эти маскарады служили иллюстрацией двойной игры, которую вела власть. Елизаветины вечера с переодеваниями были вдохновлены теми потешными процессиями, что некогда изобрел ее отец. «Религиозные» сатурналии дней былых, колеблясь между верой и шутовством, были выражением барочного сознания, создающего новый язык, обмирщенный, хоть и не отрицающий Предвечного. Петр I сформулировал следующую максиму: надобно щедро приносить дары Бахусу посредством винопития, душой же хвалить Господа. Во время своих вакханалий царь высмеивал внешние формы культа и церковной иерархии, пародируя православных и католических иерархов²⁶. Елизавета на свой лад возродила его праздники: она не сочетала в них христианских и языческих мотивов, зато умышленно вносила сумятицу в доселе четкое разграничение полов, упраздняя тем самым традиционное распределение ролей²⁷. Она пренебрегла итальянским обычаем, навязывающим непременно полумаску и домино, позволяющие играть в отгадывание и соблазнение, за которым, что правда, то правда, зачастую следовало разочарование. Нет, она настаивала, чтобы ее гости являлись с открытыми лицами, в своих превращениях оставаясь узнаваемыми. Такая перемена одежд, а с ними и жестов, и танцевальных па была многозначительна, ибо ее истоком являлась впервые пробивающаяся на поверхность идея эмансипации, умышленный намек на смену ролей, в которой монархине выпадает главный выигрыш²⁸. Здесь проявляется одновременно двойственность и характера государыни, и ее задачи — миссии женщины, исполняющей функции, которые традиция предназначала мужчине. Елизавета желала быть обольстительной — и была, но хотела сверх того являться в мужском обличье, оставаясь таковой и вместе с тем возвышаясь над своим полом в силу этой самой двойственности, которая не казалась случайной, она подчеркивалась.

Гостеприимство Елизаветы стало легендой еще при ее жизни. Она обожала изумлять своих гостей новейшими

техническими достижениями. Французский посланник Дуглас описывает, к примеру, лифт, который в Царском Селе поднимал на второй этаж гостей, восседающих на двух удобных диванах с мягкой обивкой. Он вспоминает также трапезу за столом, все блюда на котором благодаря какой-то механике появлялись сами собой, без вмешательства лакея²⁹. Еще императрица питала страсть к игре. Маркиз Лопиталь сетовал, что лишился 120 дукатов, вынужденный еженедельно играть в кадрили. Собирались в шесть вечера, танцевали, по четыре часа играли в карты, потом императорское семейство садилось за стол. После ужина снова танцы — до двух часов ночи. Во время официальных церемоний этикет в императорском дворце соблюдался строжайшим образом. Если же бал происходил в доме частного лица, императрица любила нагрянуть туда без предупреждения, по примеру родителя. В этих случаях она запрещала высоким чиновным особам вставать, когда она входила в гостиную³⁰.

Хоть это было и рискованно, она пускала в свои дворцы всякого, на ком был мундир гвардейца³¹. Елизавета среди своих сотрапезников держалась так непринужденно, словно дело происходило в гостиной какого-нибудь зажиточного горожанина: подходя то к одному, то к другому, запросто болтала, улыбалась незнакомым, особенно мужеска пола, садилась за карточные столы, чтобы поиграть, пускалась в долгие пешие прогулки по дворцовым паркам. Иногда была не прочь прокатиться на лодке. Когда же чувствовала усталость, любила растянуться на драгоценных покрывалах или удалиться в шатер. А ее приближенные дамы отгоняли веером мух. Воцарялось абсолютное молчание — с этим было строго: в противном случае дерзкого лупили туфлей. Но ей нравилось, если мимолетный любовник заставал ее в такой момент: тогда она воображала, что бог садов явился поухаживать за ней.

Стол императрицы (кроме тех периодов, когда она решала, что надо экономить) вызывал восторг даже у самых упорных ее недоброжелателей. Когда состояние казны по-

зволяло, царский повар Фукс, имевший чин бригадира, получал 800 рублей жалованья в год. Елизавета была большой лакомкой. Шетарди приохотил ее к шампанскому, бургундскому и «шато-марго», что не исключало, впрочем, и чрезмерного употребления токайского. О алкоголизме Елизаветы ходили самые безудержные толки, некоторые утверждали, что видели царицу мертвецки пьяной, она сама уже и шагу не могла ступить, гвардейцы под руки вели; другие восхищались ее неслыханной выносливостью, позволяющей государыне ни в чем себе не отказывать, «ведь самому Бахусу с ней не совладать»³². Барон Черкасов, тайный кабинет-секретарь императрицы, ведал доставкой к ее столу сладостей, персиков, апельсинов, устриц из Кронштадта, пресноводных раков. Французское консульство снабжало двор паштетами и предоставляло ежегодно по десять килограммов трюфелей. Позже, когда возраст стал предъявлять свои права, императрица стала довольствоваться более здоровой пищей: мясом, легкими закусками, венгерским вином. Когда же у Елизаветы не хватало денег, в самый раз было притворяться, будто испытываешь недомогание, чтобы избежать ужинов в императорском дворце: кислые вина и чересчур жирные блюда, которые там подавались, грозили надолго расстроить пищеварение³³. А уединяясь в Монплезире, что в Петергофском парке, царице случалось и самой заглядывать в кастрюли. Тогда она готовила кашу, кулебяку или борщ, приводя в отчаяние Фукса и его подручных поваров, тоже французов, — Форне и Баридиана. В 1759 году Федор Дмитриевич Бехтеев, поверенный в делах при французском дворе в Париже, получил приказ раздобыть для русского двора искусного повара Баридо, слава которого перешагнула границы Франции. Но обстоятельства ему помешали прибыть в Россию. Тем временем Елизавета скончалась, а Петр III признавал только немецкую кухню.

Императрица любила простор и движение. Между двумя выездами на охоту или верховыми прогулками она собирала своих фрейлин или служанок и водила с ними хо-

роводы под звуки их пения. Зимой она охотно присоединялась к рождественским бдениям крестьян, пела вместе с ними колядки. Обитателей сел, расположенных близ ее загородных резиденций, регулярно приглашали попеть народные песни, от которых царица и Разумовский приходили в полный восторг. Таким непринужденным общением с подданными Елизавета опережала свое время, тем паче что в таких случаях она мало заботилась об этикете, хотя в присутствии чужеземных эмиссаров неизменно сохраняла сдержанность. Возможно, тем самым она утверждала свое промежуточное положение меж двух культур — прогрессивной западной и консервативной, идущей от Московии. Петр Великий некогда приводил соотечественников в растерянность своими реформами, кое-кто даже видел в нем парию, незаконнорожденного сына немки, а то и самозванца, благо таковых Россия повидала много. Елизавета упорно стремилась заставить всех признать ее отца как истинного русского и подчеркнуть, что она его законная дочь. Как наследница знаменитого царя и продолжательница его дела, она основывала свое царствование на родственной преемственности как в национальном, так и в человеческом плане. Не выработывая даже общей программы, она правила ото дня ко дню, подчиняясь инстинкту, который всегда поддерживал в ней чувство, будто отец сделал бы то же, что творит она. Над ней на всем протяжении ее царствования тяготела одна идея: упрочить славу России и свою собственную.

ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ БАРОККО, ИЛИ ПОДМОСТКИ ВЛАСТИ

На всем протяжении своего царствования Елизавета азартно переустраивала и украшала город, основанный Петром Великим. Санкт-Петербург, эта витрина империи, должен был отражать все богатства молодой русской державы. Ца-

рица любила также и Москву, этот огромный город праздности и извилистых улиц, где присутствие православия ощущалось повсюду. Древняя столица со своими зданиями в татарском, итальянском, барочном стиле, с целыми кварталами деревянных домов была пристанищем народных и религиозных традиций, являя поразительный контраст с северной Венецией, где полновластно правило чиновничество. Елизавета хотела, чтобы ее столица ни в чем не уступала красивейшим городам Европы, а потому с большим размахом затевала там работы по перестройке. Откуда она, отродясь не выезжавшая за пределы отечества, черпала вдохновение для подобных замыслов? В начале 1750-х годов много молодых русских раскатывали по Европе. Они, начиная с Ивана Шувалова, а также Михаила Воронцова, вдоль и поперек исколесившего Францию и Италию, делились с царицей своими впечатлениями о больших городах Запада, о том, как все там устроено.

Елизавета пыталась установить некое равновесие между новой столицей и древней, где она провела около пяти лет своего царствования³⁴. Кое-какие учреждения были переведены в Москву, благо содержать их там было не так дорого; скажем, Монетный двор после долгих колебаний и проволочек снова обосновался там. Москва приняла в свое лоно и первый русский университет, а затем, к середине 1750-х годов, и Академию изящных искусств. С годами распределение ролей уточнялось: Петербург вбирал в себя административные, военные и научные инфраструктуры, тогда как Москва давала приют свободным искусствам и богословским занятиям. Хотя, так или иначе, склонность царицы кочевать с места на место могла привести и к обратной смене ролей.

Двор, правительство, гвардия, дипломатический корпус и прислуга поневоле подчинялись капризам императрицы: зимними ночами они организовывали длиннейшие обозы для ее переездов из одного города в другой. По дорогам, подчас вызывая нарекания, медленно тащились повозки, гру-

женные мебелью, посудой, тканями, да и гардероб царицы путешествовал вместе со своей хозяйкой. Было ли все это одной лишь прихотью с ее стороны? Царицу томила тоска по своим детским годам, проведенным под крылышком родителей в старой Москве. Этот город с его бесчисленными церквями и монастырями благодаря близости Троице-Сергиевой лавры, будучи к тому же местом благочестивых паломничеств, являл собой прежде всего столицу первой из православных держав. Возвратиться сюда значило вписать себя в генеалогию русских венценосцев, куда более древнюю, чем династия Романовых. Несмотря на то что дворцы града Петрова были лучше, комфортабельнее оборудованы, большинство аристократов предпочитало жить на берегах Москвы-реки; психосоматические недуги, воображаемые, а то и притворные, вынуждали знатнейших из них откладывать переезд, а тем временем булыжники петербургских мостовых зарастали бурьяном, так что по некоторым улицам уже и карете было не проехать³⁵.

В ожидании, пока в Кремле для нее оборудуют резиденцию, Елизавета поселилась в Головинском дворце, к которому было пристроено деревянное крыло, предназначенное для Петра и Екатерины. Императрица была в восторге от такого решения, однако в 1755 году этот дворцовый ансамбль (три версты в окружности) сгорел всего за три часа. Тогда малому двору пришлось удовлетвориться деревянным строением наподобие барака в Немецкой слободе. Там свирепствовали клопы и тараканы и в довершение приятности гуляли сквозняки. Елизавета расположилась на Покровке, в северо-восточном предместье города. Новый дворец отстроили быстро: пятьсот плотников работали за 25—30 копеек в день, получая плату в конце недели. Полтора месяцев не прошло после пожара в Головинском дворце, приключившегося 10 декабря 1755 года, как царица вступила в новую резиденцию, восторгаясь ее шестьюдесятью комнатами. Но для всей царицыной утвари и мебели места все-таки не хватило: золо-

тые и серебряные сервизы, императорская шкатулка — все это осталось в Лефортовском дворце под охраной гвардейцев, каковых, вместе с семействами, там обреталось до 3000 человек. Годом позже и это здание, в свою очередь, тоже сгорело; великое счастье, что ценности, там хранившиеся, были своевременно перевезены в Санкт-Петербург³⁶. Эти катастрофы побудили государыню выпустить указ об упорядочивании строительных правил во избежание пожаров. Тем не менее ввод их в действие был отложен³⁷. А предполагалось, что улицы в городе (любом, не только в столице) надлежит делать широкими, дабы предотвратить слишком быстрое распространение огня. Дома же надобно строить из кирпича; цены на строительные материалы должны находиться под бдительным контролем — тысяча кирпичей стоила тогда два рубля с полтиной. Использование смолы запрещалось. Крыши домов украсили бы бочонки с водой, при каждом имелся бы рукав, дабы в случае возгорания без промедления принять меры³⁸.

В области городского благоустройства Елизавета имела неколебимые воззрения. Ничто не должно было оскорблять взоры приезжих. И полиция следила за этим! Императрица запретила мелким торговцам ставить свои лавки на проспектах. Когда она проезжала по городу, что случалось нередко, ее раздражали груды отбросов и издаваемая ими вонь³⁹. К тому же ей вообще досаждала малейшая нечистота: любая фабрика, выделяющая загрязнения, подлежала переносу на 200 верст от Санкт-Петербурга. Ветхие дома на Фонтанке подверглись сносу. Если на освободившийся участок не находилось покупателя, земля оставалась в запустении, в противном же случае нового владельца обязывали восстановить постройку в ее первоначальном виде. Был дан приказ беречь окрестные леса — их древесину запрещалось использовать на строительстве либо для обогрева⁴⁰. Сбрасывать стволы срубленных или поваленных ветром деревьев в каналы также не дозволялось. В декабре 1752 года Елизавета пове-

лела произвести тотальную очистку окрестностей Кремля, поскольку земля, прилегающая к нему, давно превратилась в свалку, горы мусора на подъездных путях мешали подвозить продукты. Та же забота о гигиене побудила императрицу распорядиться о переносе Санкт-Петербургских кладбищ за пределы города, такие меры принимались дважды, в 1746 и в 1756 годах. Елизавету вообще ужасала мысль о смерти: появление при дворе в глубоком трауре было запрещено (исключение делалось только для иностранных послов), да и похоронным процессиям не позволялось проходить мимо ее дворцов⁴¹.

Шум терзал императорские уши. Вот почему в некоторых кварталах столицы запрещалось носиться на тройке во весь опор. Если придворный вельможа катил куда-нибудь, возницам полагалось останавливать своих лошадей на обочине дороги справа, дабы пропустить его экипаж⁴². Вообще движение по городу было сопряжено с неразрешимыми проблемами: на пути нередко встречались шаткие мосты, а то и паромы, а после снегопадов и проливных осенних дождей такие места и подавно становились непроходимыми. К тому же существовали мостовые пошлины, но их упразднили в 1755 году⁴³.

Простонародье в привилегированные кварталы старались не допускать. Некоторые категории населения объявлялись «нежелательными»: нищие, цыгане и все те, кто упорно продолжал носить длинные бороды и кафтаны, — такое обличье считалось неизящным. В 1758 году Елизавета учредила приют для инвалидов и калек: их прискорбный вид слишком удручал ее, когда она проезжала по улицам⁴⁴. При всем легкомыслии своего нрава и образа жизни, царица умела подчас прикинуться ханжой: проституцию она запретила, веселые дома были закрыты, и в общественных банях мужчинам и женщинам больше не позволялось мыться вместе⁴⁵. Постоянно заботясь о том, чтобы не допускать кровопролития, Елизавета отменила кулачные бои без перчаток,

которые вечно вызывали у заезжих иностранцев нелестные комментарии. Вышел также запрет держать в городе диких зверей, в особенности медведей, он касался жителей обеих столиц, что не мешало царнице для собственного удовольствия все-таки иметь мишек.

Пьяницы и женщины легкого поведения, конечно, мешали мирному сну петербуржцев, зато кабачки приносили казне изрядный барыш: в среднем миллион рублей ежегодно⁴⁶. Но хотя контрабанда спиртного находилась под контролем государства, взимавшего за нее пошлину, государыня все-таки обвиняла питейные заведения во всех мыслимых грехах. Со временем их вынуждали все дальше и дальше отодвигаться от центра города. Правда, подчас власти ограничивались тем, что меняли их названия: так всплыло слово «герберг», постоялый двор, где подавали самые благородные напитки: шоколад, кофе или чай, а не только предоставляли кров и ночлег. Там вечно толкались морские офицеры, матросы, иностранцы и русские всех сословий, кроме черни и солдат. Простолюдины, крестьяне, даже получившие вольную, туда не были вхожи⁴⁷.

Начиная с 1750-х годов Елизавета открыла (но только по воскресным дням) доступ в первый и второй парк Летнего дворца всем желающим дворянского происхождения, гвардейцам любого ранга, военным (как сухопутным, так и морякам), а также купцам и их семьям. Присутствие крепостных исключалось, даже если они состояли в услужении у персон вышеназванных категорий. Причем царица выдвинула жесткое условие: все посетители должны быть прилично одеты. Дамам полагалось являться туда в платьях с кринолином, бороды и всклокоченные шевелюры мужчин были под запретом. В июне 1757 года императрица открыла третий парк для знати и иностранных сановников — их допускали туда по четвергам и воскресеньям. Два года спустя парки при кадетских корпусах были открыты для лиц любого ранга, исключая крепостных. Таким образом, Елизавета впервые

учредила общественные места отдыха и досуга, позволяющие какое ни на есть свободное взаимодействие людей из разных социальных слоев⁴⁸. Царица отказывала безродным выскочкам в праве посещать ее театры, зато в больших процессиях позволялось участвовать всем без исключения. Религиозные торжества справлялись с широким участием простого народа с условием, что мужику для такой оказии надобно побриться и одеться пристойно.

Императрица кичилась своим намерением преобразить Санкт-Петербург, но, при всем почтении к наследию Петра Великого, стремилась оставить на его городе и свою печать. Когда она завладела русским престолом, в столице бесчинствовал Джузеппе Трезини, племянник Доминико Трезини, одного из любимых архитекторов Петра Великого. Родственничек, будучи скорее каменщиком, нежели зодчим, едва умел писать, считать и рисовать; его здания рушились через несколько лет после возведения. В 1756 году Елизавета его наконец прогнала⁴⁹. В те же годы она стала поручать подобные работы Франческо Бартоломео Растрелли, который показал себя мастером особого стиля: елизаветинского барокко. На протяжении двух десятилетий он разрабатывал некий чудесный синтез итальянского и германского стилей с примесью подлинно русских черт и с ориентацией на принятые в стране представления о красоте. В 1730-е годы он уже выстроил третий Летний дворец, ставший излюбленной резиденцией цесаревны Елизаветы⁵⁰. Как только она возвратилась в Петербург после торжеств, посвященных ее коронации, императрица поручила ему три задания, которым придавала весьма большое значение: строительство Смольного монастыря на северо-восточной оконечности города, у излучины Невы, расширение Петергофа и перестройку Царского Села. По инициативе Растрелли в 1755 году в царском дворце была оборудована янтарная комната; чтобы придать камеди, на которую накладывалась мозаика, больше блеска, он подмешал туда краски⁵¹. Вослед Петру Великому и в про-

должение его воззрений Елизавета стремилась одновременно с утверждением традиционной религиозной идеи насаждать основы новой государственной власти. Позже Растрелли выстроил Аничков дворец — жилище для Разумовского, морганатического мужа царицы, особняки Строганова и Воронцова, а также занялся Зимним дворцом — эти работы он завершил уже после смерти Елизаветы. Она же в ожидании, пока это строительство закончится, жила в довольно скромном деревянном дворце на берегу Мойки. Он разочаровывал заезжих гостей — здесь и впрямь все говорило о временности скромного жилища. Государыня, не зная покоя, все переселялась из одной комнаты в другую; о такой ее «непоседливости», особенно в начале царствования, свидетельствовала и бедность мебелировки. Блеск на первых порах исходил от самой царственной персоны, затем от окружающей ее обстановки, изобилующей недолговечными предметами, — свечи, зеркала, наряды, расшитые золотом и серебром, светились или отражали свет.

Вплоть до своей смерти в 1744 году старый Карло Бартоломео Растрелли задавал тон в искусстве ваяния. Его работами Петергоф был украшен гротами, фонтанами и статуями; он воздвиг первую конную статую Петра Великого и стал автором множества бронзовых бюстов. В 1741 году он закончил скульптурное изображение Анны Иоанновны, которое Елизавета отправила в ссылку в Академию, где оно было задвинуто в угол. Императрица обожала всевозможный сверкающий декор, блестящие муляжи. По случаю ее коронации созвали всех золотильщиков страны: каждого обязали внести свою лепту в пышное украшение Кремля и улиц, по которым государыне предстояло проследовать в ходе этих церемоний⁵².

Ослеплять роскошью и через это давать почувствовать, сколь могуча ее империя, — таков был принцип Елизаветы. Двери, оконные рамы и потолки всех имперских зданий были перегружены золоченой и посеребренной лепниной,

барельефами с изображением цветов, блеск которых отражали бесчисленные зеркала⁵³. В ясные дни фасад царскосельского дворца сверкал на солнце, и так же слепили глаза его цоколи, капители, пилястры, оконные наличники и двери, выложенные золотыми пластинами. Якоб Штелин сообщал, что дворец прозвали *aurea domus* («золотым домом»)⁵⁴. Чтобы ускорить строительство, канцелярия, ответственная за эти грандиозные работы, получила приказ привлечь к ним иностранных скульпторов. С этой целью были призваны австрийцы Дюнкер и Штальмайер, Вестерини из Брюсселя, француз Ролан и швейцарец Домаш, причем каждый окружил себя целой оравой подмастерьев и учеников. Их первой задачей было обучать своему искусству русских юношей. Работы в Петербурге всем хватало, как, впрочем, и в Москве. Подражая государыне, ее придворные и фавориты тоже пустились украшать свои жилища или возводить новые дворцы. Пример подал Разумовский со своим Аничковым дворцом. Иван Шувалов, когда занял его место в царичьином сердце, распорядился, чтобы ему построили дворец напротив, на Фонтанке. Импортёры мебели, статуй и безделушек богатели на глазах. Петр Шувалов заказал в Италии семьдесят мраморных скульптур-копий для своих парков. Когда столичная биржа затребовала полсотни алебастровых статуй из Ливорно, они были отправлены в Россию уже через несколько часов. Два десятка из них приобрел барон Вольф, дипломатический представитель Англии и одновременно — доверенное лицо Бестужева; русские аристократы, которых он так обскакал, весьма приуныли: они от западного искусства настолько теряли голову, что ради этого увлечения влезали порой в непомерные долги.

Шереметевы, Строгановы, Чернышевы, Алексей Бестужев-Рюмин, Кирилл Разумовский, Петр и Александр Шуваловы, генеральный прокурор Трубецкой, маршал двора Нарышкин — все они строили себе жилища «в самом новом и наилучшем вкусе». Нарышкин поражал своих гостей са-

лоном, где колонны изображали стволы пальм, а их золоченые капители были выполнены в форме пальмовых крон. В 1750-е годы среди благородных семейств Санкт-Петербурга трудно было найти того, чей дом не декорирован по последней французской моде⁵⁵. Не отставали и некоторые «выскочки» — богатые купцы и фабриканты. Братья Демидовы установили в своих особняках на Мойке металлические балюстрады и колоннады, доставленные с их уральских предприятий. И все, кто мог, старались угодить Елизавете, жертвуя на украшение храмов. Так, купец Володимеров принес в дар Охтинской церкви, расположенной на правом берегу Невы, скульптурное изображение Гроба Господня.

Внутренние покои в жилищах фаворитов и придворных также отражали вкусы Елизаветы, которая стремилась приспособить к эстетическим принципам обустройства интерьеров также свои безделушки и посуду. Первая фарфоровая мануфактура, основанная Кристофом Конрадом Хунгером, вскоре оказалась на пороге разорения, ибо продукцию выпускала дрянную. Незадачливого немца прогнали и заметили Дмитрием Виноградовым. Тогда предприятие стало привлекать ремесленников из Мейсена либо Венсенна — крупных европейских центров, где производилась фарфоровая масса. К середине 1750-х годов виноградовская мануфактура впервые достигла высочайших успехов⁵⁶. И снова, в который раз, вкус Елизаветы стал решающим фактором. Она любила усложненные формы: соусники и супницы из ее личного сервиза были избыточно разукрашены гирляндами, решетчатыми щитами, красочными изображениями цветов, но рельефы и живописные решения здесь были приведены в безукоризненную гармонию. Русский фарфор сравнился с самыми утонченными западными образцами и с керамическими изделиями Дальнего Востока⁵⁷.

Без расписных гобеленов не обходился ни один шикарный дом. Первая ковровая мануфактура была основана в Петербурге в 1717 году; мастера, в ту пору работавшие там,

к моменту воцарения Елизаветы поумирали, да кто и остался, все равно был не в состоянии удовлетворить запросы двора. Царица отправила во Францию некоего Москена с поручением набрать ткачей на гобеленовых станках и художников, посулив им годовое жалованье от 800 до 1200 рублей, причем за обучение подмастерьев плата отдельная. Затея оказалась разорительной, поскольку французы не пожелали отправиться в Россию морским путем. До Петербурга они добрались в 1758 году, но вскоре мануфактура расцвела как нельзя лучше. Привлеченные высоким заработком, туда из Франции потянулись новые искусники, готовые щедро снабжать русских ценителей гобеленами на исторические и мифологические сюжеты и с непременными сценами охоты⁵⁸.

Обнаружение близ Ладожского озера камня, легкого в обработке, но твердеющего на открытом воздухе, ускорило работы по оборудованию Зимнего дворца; внешние стены быстро покрылись арабесками и украсились десятками ложных колонн, что облегчало задачу соблюдения симметрии. Совершенствованием внутреннего убранства, соревнуясь между собой, занимались резчики Дункер, Ролан и Жилле. На троих им было выделено 80 000 рублей, предназначенных для того, чтобы они могли подыскивать материалы, позволяющие наилучшим образом проявить свое искусство. Когда царствование Елизаветы уже подходило к концу, двум русским архитекторам, Кокоринову и Фельтену, перепал великолепный контракт. Фельтен, сын повара Петра Великого, воспитывался в Германии, потом работал чертежником под началом Растрелли; он принимал участие в украшении Зимнего дворца. Что до Кокоринова, он разработал проекты дворцов Кирилла Разумовского и Петра Чернышева и в полной мере угодил великой княгине Екатерине, построив для нее загородный дом неподалеку от ее резиденции в Ораниенбауме. Взяв в жены дочь несметно богатого Григория Демидова, он стал посвящать все свое время управлению Академией изящных искусств. По мнению Якоба Штелина,

Кокоринов был весьма далек от того, чего Витрувий ждет от архитектора⁵⁹, но он являлся русским и как таковой пользовался поддержкой императрицы и потому мог рассчитывать на очень выгодные контракты.

Поскольку Елизавета увлекалась парижской модой, в русской столице не было недостатка во французских архитекторах — когда к добру, а когда и к худу. Так, некий Валуа получил распоряжение построить на Васильевском острове гостиницу для приглашаемых посетить Академию наук. Его комнаты с зарешеченными окнами были ни дать ни взять тюремные камеры, деревянные панели и фахверки скрывали от взоров детали фасадов и интерьеров — по суждению русских любителей архитектуры, это был крайне отталкивающий стиль. И мало того: архитектор забыл предусмотреть в здании печи, в студеную зиму 1759 года это обрекало обитателей на поиск случайных квартирок на стороне. В том же году в Санкт-Петербург был приглашен Валлен-Деламот. При жизни императрицы ему пришлось заняться проектированием главного здания императорской Академии художеств, скульптуры и архитектуры, основанной и управляемой Иваном Шуваловым. Сам же Валлен-Деламот там и преподавал, формируя поколение молодых русских художников. Он приступил, опять-таки по настоянию фаворита, к строительству первого торгового рынка — предшественника нынешнего Гостиного двора, что расположен на Невском проспекте. Его работа в России будет продолжаться вплоть до 1775 года, этот архитектор успеет заложить фундамент римско-католической церкви Святой Екатерины, арки Новой Голландии и павильона Эрмитаж⁶⁰. Среди последних французских мастеров, прибывших в Россию за время царствования Елизаветы, необходимо вспомнить Жан-Батиста Лепренса. Первоначально контракт этого художника обеспечивал ему пансион в 5000 рублей в год, ему надлежало колесить по побережью, запечатлевать морские пейзажи и порты России. Но проект не был осуществлен. Вслед за

ним была задумана экспедиция в Сибирь, которую возглавил аббат Шапп д'Отрош; в дороге он делал путевые зарисовки и писал жанровые картины. Очарованная его детскими портретами, императрица поручила ему отделку дверей и наличников нового Зимнего дворца. Так русская столица мало-помалу усваивала стиль рококо во вкусе Людовика XV.

Пока в центре города орудовали французы, Ринальди в Ораниенбауме осуществлял фантазии великого князя: возвел там миниатюрную крепость Петерштадт и дом увеселений, где Петру нравилось затевать маскарады. Екатерина рассказывает, как он приказал своей свите наряжаться капуцинами: придворные, сопровождаемые ослами, должны были делать вид, будто ищут воду и добывают провизию для своего импровизированного монастыря⁶¹. В окружающем парке пряталось множество маленьких строений, одно из которых — китайский дворец, в ту пору прозванный Голландским домом, — являло смесь самых разнородных стилей, но доминировали там все же именно азиатские орнаменты⁶². Екатерина поручила Ринальди устройство висячих садов. Придворный хирург Гийон отмечает, что эта безумная прихоть опустошила казну молодой четы⁶³. Великий князь поручил тому же архитектору-итальянцу выстроить новый театр, где сцена и партер могли соединяться и трансформироваться в танцевальную залу. Петр любил задавать там концерты, где сам играл на скрипке; восклицания музыкантов «Bravo, altezza, bravo!» («Браво, ваше высочество, браво!») подбадривали его, побуждая забыть, что звуки, льющиеся из-под его смычка, до жалости фальшивы. Порой наследник престола извлекал из своей не имевшей себе равных коллекции музыкальных инструментов еще и поперечную флейту, на которой производил столь же омерзительные трели. Начиная с 1757 года в Ораниенбауме ежегодно ставили полномасштабную оперу, и тогда можно было полюбоваться, как великий князь вдохновенно упражняется в оркестре, а его супруга между тем скучает в зале.

Первый декоратор русского театра, Джероламо Бон по прозвищу Момоло, прибыл сюда из Болоньи. Венцом его карьеры было оформление спектакля «Милосердие Тита», поставленного в честь коронации Елизаветы. Неимоверно разбогатевший, отягощенный дарами, он возвратился на родину в 1743 году, уступив свое место римлянину Валериани. Последний, в будущем известный мастер живописи, работал не только в театре, но и во дворцах императрицы и ее приближенных. Занимался росписью потолков в технике trompe-l'oeil, украшая их сценами с нимфами, детьми и богинями, портретами и лепниной, причем игра светотени была столь искусной, что вводила в заблуждение даже самых искушенных зрителей: кое-кто из сотрапезников всерьез верил, что небо вот-вот рухнет им на голову!

Немцы тоже не оставались в стороне, деятельно приложили руку к отделке петербургских дворцов: Хойсер украшал гостиные Бестужева, Ведекинд делал копии с портретов членов императорского семейства — необходимый атрибут любого приличного дома. Великий князь Петр слыл одним из самых страстных коллекционеров картин: его приводили в восторг портреты стариков, сцены охоты и натюрморты. Художник-анималист Фридрих Грот безмерно угодил ему белым павлином, чье оперение было воссоздано так натурально, что обмануло даже петуха, который атаковал картину под рукоплескания его высочества⁶⁴. Государыня тоже была под впечатлением: она заказала художнику для царскосельского дворца серию изображений всякого рода животных.

Между французскими, итальянскими, голландскими и немецкими мастерами завязалась ожесточенная борьба. Каждый норовил привлечь внимание императрицы, сыграть на ее слабой струнке, чтобы получить подряд на построение храмов и украшение императорских часовен, где требовалось сочетать священные традиции православия и новейшие технические достижения. Особо преуспел в этом Пьетро Антонио Трезини, сын Доменико, работавший в тени Растрел-

ли. Он первый начал строить в русской столице церкви с пятью куполами. Христоф Грот со своим помощником Иоганном Георгом Вебером несколько лет посвятил работе в императорской царскосельской часовне. Елизавета стремилась к новаторству, хотела оставить свой след, но оставалась непреклонной в одном: каноны православия не должны нарушаться. Присутствуя на церемонии освящения церкви гвардейского полка, она заметила изваянных на иконостасе купидонов и выразила глубочайшее недовольство, затем настояла, чтобы их сообразно требованиям догмы заменили писаными ангелами. Правда, когда речь заходила о частных императорских часовнях, она проявляла большую терпимость: в царскосельском эрмитаже, где она любила отмечать религиозные праздники, потолки были украшены изображениями амуров и античных божеств. В дворцовой часовне ангелы отличались таким же игривым выражением, как купидоны в соседней зале, то было сближение любви божеской и человеческой — характерная идея елизаветинской эпохи, тенденция превращать церкви в храмы радости и любви⁶⁵.

Среди иностранных зодчих и художников Елизавета вполне определенно предпочитала французов, но состояние финансов не позволяло ей выплачивать немислимые гонорары (до 20 000 рублей за один потолок), на которые претендовали Луи Лагрене или Луи Жозеф Ле Лоррен. Тем не менее Лагрене удалось добиться, чтобы его оценили по достоинству: во время празднования Пасхи в 1760 году он преподнес государыне эскиз «Христово воскресения».

Чего стоил после этого подарок Ротари — великолепное яйцо, расписанное на тот же сюжет? Французу удалось и еще один тонкий ход: аллегорическое изображение императрицы как покровительницы изящных искусств. А его младший брат выполнил по его образцу гравюру, размножив ее в сотнях экземпляров. Елизавета любила осыпать своих приближенных подарками, и считалось, что табакерка с ее портретом — из тех даров, что особенно любезны иностранцам. Большинство этих «официальных» коробочек изготовлял

Сампсуа, один из лучших миниатюристов эпохи. Ему же Разумовский в предвидении сорок четвертого дня рождения Елизаветы заказал веер с видами Царского Села. Но использовать его удалось лишь несколько раз — краска на сгибах стала трескаться, и художник, несмотря на все свои достоинства, был тотчас уволен⁶⁶.

Надобность обзавестись официальным портретом превратилась у Елизаветы в своего рода одержимость. От полотна требовалось, чтобы оно походило на оригинал и вместе с тем нравилось государыне. Эта задача представлялась первоочередной всем придворным живописцам, уступая по важности только религиозной истовости, именно на этих поприщах они соперничали друг с другом. Царица пожаловала Караваку 1200 рублей за написание двенадцати полотен, предназначенных занять подобающие места в посольствах России. Несмотря на свои колебания — она находила, что поза и драпировки там выглядят слишком застывшими, — царица все же сделала своим официальным портретом именно работу Каравака. В виде гравюры она была размножена в тысячах копий⁶⁷. В 1746 году, когда для нее уже наступил довольно зрелый возраст, международная обстановка потребовала от Елизаветы решимости потягаться с Марией Терезией, этой благочестивой и устрашающей матерью правящего австрийского семейства. Начались лихорадочные поиски совершенного образа. Надобно подчеркнуть, что ни одно полотно не изображает царицу в обществе наследника, в то время как ее габсбургская противница любила позировать в кругу своих многочисленных чад. Елизавета представляла одна — как живое олицетворение вечной России. Фридрих Грот написал ее верхом на белой лошади. Животное движется изящной, элегантной трусцой, расчесанная грива волнуется в такт бегу. На Елизавете гвардейский мундир Преображенского полка, того самого, который в 1741 году возвел государыню на престол ее предков. Вместо украшений она надела звезду и орден Андрея Первозванного — высочайшую награду империи. Она скачет одна, сопровождает

мая своим юным мавром, черты лица которого мало заметны, их затмевает богатство его ярких красно-зеленых, расшитых золотом одежд и сияние белого пера, венчающего его прическу и лихо покачивающегося на ветру. Лошадь и слуга в движении: молодой человек бежит, стараясь следовать ритму лошадиного бега. Императрица же, величаво восседая в седле, доминирует над окружающим пространством, земным и морским. Несмотря на мужской наряд, ее женственность подчеркнута манерой держать голову, игрой пальцев; на лице улыбка, взор отражает нежность, которой так восторгаются ее почитатели. Несомненно, Елизавета давала живописцам указания, ибо множество портретов, чьей бы кисти они ни принадлежали, в некоторых чертах совпадают: всюду, без единого исключения, ткани выбраны светлые — белые, серебристые, золотые или пастельные, наряды обильно украшены кружевами, ко всему этому добавляется сверкание драгоценностей. Все пронизано светом, его отражают ткани, которые, волнуясь, повторяют движения тела. Важной деталью портрета являются руки: игра перстов, то сложенных, то расслабленных, подчеркивает женственность облика. Дочь Петра Великого в отличие от своего отца, на своих поздних портретах представленного со скипетром и державой, отказывается позировать с этими атрибутами в руках. Бухгольц располагает их отдельно на первом плане картины, Ван-Лоо, напротив, в глубине; корона уменьшена до размеров диадемы. Знаки власти и наследственного права здесь второстепенны, главное — персона императрицы, фигура которой сама по себе представляет государство, без нее державные символы теряют свое значение.

На одном из редких портретов, где Елизавета все же сидит со скипетром (державка лежит рядом на столе), она его не поднимает вертикально, как оружие (так некогда держала его Анна Иоанновна), а держит горизонтально, словно веер.

Позирующая в пышном платье, несмотря на полноту, статная императрица словно бы приглашает на танец, ее ле-

вая рука упирается в бедро. Государыня без колебаний допускала, чтобы ее изображали как частное лицо: на портрете Ротари она предстает в простом наряде, безо всяких украшений, показывая тем самым свою близость к народу, которой она всю жизнь добивалась наперекор требованиям этикета. Последним живописцем, который пытался портретировать Елизавету, стал Токе: Людовик XV в 1759 году снизошел до того, чтобы уступить «своей сестре» этого портретиста, дабы скрепить франко-русский альянс против Фридриха II. Токе определили 4000 рублей на дорожные расходы и 1000 рублей ежемесячного жалованья, он получил в свое распоряжение дом и экипаж, а также был удостоен чести участвовать в придворных трапезах. Государыня, весьма польщенная, смирилась с тем, чтобы позировать долгими часами. Проводя целые дни в созерцании ее величества, художник сумел передать на полотне ее взгляд и улыбку. Она же в который раз осталась недовольна — собственные изображения вечно казались ей непохожими. На сей раз она придралась, что нос асимметричен, слишком мал или толстоват, и настаивала, что профиль должен быть орлиным⁶⁸. Таким образом, признак власти поменял место и характер, припоровившись к эстетическим понятиям древних греков. К этому арсеналу женственных прелестей надобно еще добавить драгоценные рамы полотен и дорогостоящее обрамление гравюр. Заслуживает упоминания и обилие цветочных мотивов, преимущественно роз светлых оттенков и подсолнухов, символизирующих свет и радость жизни.

На всем протяжении царствования Елизаветы надобность во всевозможного рода художниках непрестанно росла. Царица оказывала предпочтение молодым русским архитекторам, ученикам Растрелли и Земцова, умершего в 1743 году; Чевакинский, Кокоринов, Бахматов набрасывали проекты церквей и дворцов. Но сколько бы царица ни требовала от заезжих мастеров, чтобы они готовили себе на смену русских юношей, это не могло заменить создания пол-

ноценной отечественной школы. В конце 1747 года Якобу Штелину поручили организовать Академию изящных искусств под эгидой Петербургской академии наук и взять на себя руководство ею. Новое учреждение было призвано объединить лучших специалистов, как русских, так и иностранных⁶⁹. Штелин за расходами не постоял, своей щедростью он даже навлек на себя нападки асессора Григория Теплова и самого Кирилла Разумовского, президента Академии: они находили, что на жалованье тратятся непомерные суммы⁷⁰.

Джузеппе Валериани стал преподавателем живописи, специализируясь в особенности на искусстве перспективы. Кафедру архитектуры занял Якоб Шумахер. Было там и отделение ваяния во главе с Иоганном Дюнкером. Рисунок и искусство композиции доверили Элиасу Гриммелю. В граверной мастерской сменяли друг друга Кристиан Вортман, Петр Соколов, Георг Шмидт, затем Тейхер. Два раза в неделю Штелин собирал группу студентов, чтобы приобщить их к рисованию с натуры — искусству, к которому он питал особое пристрастие⁷¹. В начале каждого месяца он просматривал работы молодых художников, затем ставил на обороте каждого наброска свою подпись. Учащемуся полагалось в следующий раз представить и этот экземпляр для просмотра вместе со своими новыми опытами, дабы директор мог, сличая их, оценить его успехи. Сверх того Штелин создал еще ведомство картографии, призванное обеспечить изготовление гравюр с видами и планами Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также русского атласа (состоящего из двадцати одного листа), к которому прибавлялись карты отдельных губерний. Когда граверы приступали к работе над новой доской, Штелин отмечал дату и затем каждую субботу проверял, как продвигается дело. Благодаря торговле такими гравюрами касса Академии пополнялась. Через десять лет после ее создания отделение ваяния насчитывало шестнадцать учеников, а рисунка — двенадцать. Каждое утро директор совершал обход своего учреждения, а порой неожиданно появлялся и после полудня, заставая своих подопеч-

ных украдкой играющими в карты или за выпивкой⁷². Чувствуя себя здесь хозяином, он также усердно пекся о реставрации мастерских: украшал их гравюрами, упрятанными под стекло, дабы учащиеся могли рассматривать их, но не портили грязными руками⁷³. Еще у него была мечта с воспитательной целью собрать здесь коллекцию живописи, дающую представление о всех итальянских школах. Он даже нашел такую коллекцию в Италии, причем за приемлемую цену, но ни места, ни денег не хватило, чтобы разместить ее должным образом и дать молодым людям возможность ею пользоваться⁷⁴. Штелин без конца сетовал на отдаленность зданий Академии друг от друга, на множество бесполезных, ленивых сотрудников, без толку поглощающих безумные деньги; он сознавал, что средства расходуются неразумно, а подготовка художников оставляет желать лучшего. На его беду, жалобы директора были услышаны. По инициативе Шувалова в 1757 году в Москве была создана новая императорская Академия живописи, скульптуры и архитектуры. За краткий срок древняя столица, по-видимому, отняла у Санкт-Петербурга его первенство в области художественной и интеллектуальной. При всем том Академии наук пришлось испытать и другие грозы, в немалой степени спровоцированные соперничеством ее членов, которые, наперсбой стремясь понравиться Елизавете, вовсе не интересовались техническими достижениями, если последние не могли послужить к их собственной славе.

РАСПРОСТРАНЯТЬ НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Когда Елизавета завладела престолом, Академия наук, учрежденная ее отцом и открытая в 1725 году ее матерью, пребывала в состоянии крайнего упадка. Политические смуты, возникшие после смерти Анны Иоанновны, и возрастающий деспотизм президента канцелярии Иоганна Шумахе-

ра побудили многих академиков во главе с Леонардом Эйлером покинуть Россию. Молодые русские бунтовали против своего начальника, обвиняли его в том, что он не по назначению растрачивает фонды Академии, злоупотребляет своей властью и систематически действует вразрез с интересами местных уроженцев. Благородное учреждение между тем погрязло в долгах. Соперничество между академиками-немцами тоже пользы не приносило; так или сяк, лучшее, на что они были способны, — это налаживать свои взаимоотношения ради того, чтобы сообща интриговать против французского астронома Жозефа Никола Делиля⁷⁵.

Не в меру назойливое вмешательство правительства во внутренние дела Академии не могло не привести ученых мужей к низкопоклонству перед иерархической верхушкой и бюрократическому произволу в отношении нижестоящих. К величайшей досаде Штелина, члены Академии вопреки воле Петра Великого брали на себя государственные функции, дающие им доступ к чиновничьей табели о рангах. Раболепие перед начальством, ложь, интриги отравляли отношения внутри ученого сообщества, приводя в конечном счете ко всеобщему безделью.

Озабоченный тем, как бы сохранить учреждение, основанное великим царем, Штелин весной 1742 года отправился в Москву, чтобы присутствовать на коронации, каковую он затем опишет и опубликует свой труд с иллюстрациями⁷⁶. Ему не без труда удалось добиться от церемониймейстера разрешения участвовать в шествии, оговорив себе место впереди врачебного корпуса, и в свой черед получить аудиенцию. Последним он воспользовался, чтобы от имени Академии наук произнести льстивую речь, сопроводив оную стихотворными дифирамбами, в которых испрашивал у молодой царницы покровительства и поддержки: разве ее щедроты по отношению к ученым изысканиям и изящным искусствам не должны обессмертить ее имя и саму священную персону государыни⁷⁷? Этот демарш принес ему огромный личный успех, кроме всего прочего, обеспечив ему другую, вы-

сокую, хотя и очень опасную, должность — место наставника великого князя Петра.

Всякое повышение, выпадавшее на долю Штелина, любое награждение служило ему поводом, чтобы, появившись при дворе, представлять там Академию. Иногда он проявлял при этом отменное чувство юмора. Так, в 1742 году на празднике в честь Алексея Разумовского, только что получившего чин обер-егермейстера, профессор спрятался за спину лакея, которому было поручено принести блисквит, испеченный по его замыслу. Он являл собой копию главного здания Академии, внешний облик которого был воспроизведен безукоризненно, внутри же оказалась пустота — это был намек на прискорбное состояние учреждения⁷⁸.

На протяжении 1740-х годов финансирование день ото дня ухудшалось, академики вместо платы стали получать книги. Некоторые видели в этом символическое выражение признания их заслуг, другие же, напротив, испытывали серьезные денежные затруднения. Но позже они будут лишены даже этого скудного вознаграждения⁷⁹. Андрей Нартов, советник канцелярии, и впрямь надумал распродавать запасы книгохранилища различным имперским администрациям, иначе говоря, чиновникам и военным, определяя этому товару цену исходя из размеров жалованья заинтересованных лиц... За этим последовала новая волна отъездов западных ученых, которые, оседая в других европейских странах, особенно в Берлине, давшем приют многим исследователям из России, безо всякого стеснения критиковали русскую Академию. Таким образом, распустить ее значило бы окончательно стать посмешищем в глазах ученого мира Европы. Поэтому императрица решила, напротив, приблизить это учреждение к высшим сферам своего двора. В мае 1746 года она назначила президентом Академии Кирилла Разумовского, брата своего морганатического супруга. Президентское место пустовало пять лет, и приход этого восемнадцатилетнего юноши, который наряду с другими избранными учился во Франции и Германии, вселял большие надежды.

Но если верить Штелину, этот президент, которому в 1750 году предстояло стать казачьим гетманом, куда охотнее занимался украинскими делами, но в особенности интересовался так называемым слабым полом. Бразды правления Академией он фактически передал своему приятелю Григорию Теплову, ассессору при канцелярии.

Как бы там ни было, в 1747 году Академии был присвоен устав⁸⁰. Ее годовой бюджет теперь достиг 53 000 рублей, то есть вдвое превысил сумму, некогда предусмотренную Петром Великим. Президент распоряжался ею по своему усмотрению. Сферы ведения канцелярии были оговорены исходя из прочно укоренившейся практики. Однако финальный параграф сего документа превосходил всякое разумение: президент получал право менять любое из его положений, как ему заблагорассудится. Следовательно, научные публикации ставились в зависимость от прихотей Разумовского. Что до канцелярии, она изнемогала под невероятным наплывом бюрократической писанины, вносящей беспорядок и, по горькому замечанию Штелина, вредной для науки⁸¹. Однако Разумовский рассылал крупные экспедиции к пределам отечества, поручая составлять точные описания того, что делается на его границах. Он поощрял воспитание молодых ученых, отбираемых сообразно их дарованиям, но и с учетом физической выносливости, ибо им предстояло выдерживать суровый климат самых северных областей империи.

Встреча Елизаветы с Иваном Шуваловым стала решающим фактором в развитии науки и культуры в России⁸². Началось с того, что Ивана Ивановича назначили в пажи по случаю коронационных торжеств. Позже, повзрослев, он был замечен императрицей в 1747 году, когда она отправилась на богомолье в монастырь Святого Саввы. Три месяца спустя, во время нового паломничества, на сей раз речь шла об освящении храма в Новом Иерусалиме близ Москвы, он получил повышение — чин камер-юнкера. Несмотря на многочисленные приключения с женщинами, с этого момента он не покинет Елизавету до самой ее смерти в 1761 году.

Генерал-адъютант в двадцать семь лет, кавалер ордена Александра Невского, Иван Шувалов не занимал при дворе никакой официальной должности, но все знали, что он — тень государыни, ее уста, глаза и уши. Он был начитан, вечно с какой-нибудь книгой в руках, знал языки — продолжительное пребывание за рубежами страны сделало его полиглотом. По части культуры Иван Иванович превосходил большинство своих современников. Вопреки строгим религиозным понятиям своей госпожи он был франкмасоном, испытал на себе заметное влияние мыслителей-энциклопедистов, а потому усердно покровительствовал наукам и искусствам. В феврале 1757 года он заказал Вольтеру написать историю России и посулил помощь императорской Академии. Когда фернейский философ опубликовал первый том, не подвергнув его прежде русской цензуре, Воронцов в гневе писал Шувалову, что книга сия содержит самые пагубные понятия, отличается безбожным материализмом⁸³. Однако ничто не могло ослабить влияния этого фаворита на государыню.

Иван Шувалов вложил исключительно важную лепту в интеллектуальное развитие своей страны. Он никогда не позволял втягивать себя в политику, в 1758 году отказался от поста вице-канцлера, что отнюдь не мешало ему оставаться серым кардиналом императорского двора⁸⁴. Его величайшей страстью, если не считать женщин, были меценатство, пополнение блистательной частной библиотеки, а также коллекций живописи и скульптуры. Встреча Шувалова с Ломоносовым, состоявшаяся в том же году, что и его возвышение, имела последствия самые решающие: они совместно разработали несколько проектов образовательного характера, которые в конечном счете привели в 1755 году к основанию первого русского университета.

Елизавета возобновила свои заботы об улучшении начального и среднего обучения в России. В том, что касалось дворянского образования, она действовала как продолжательница своего отца. Некоторые представители знати все

еще не желали примириться с петровскими реформами: они удалялись в свои поместья, носили традиционную одежду и не видели надобности в том, чтобы учиться читать и писать. Среди первых указов новой царицы было распоряжение, обязывающее местных правителей и воевод следить, чтобы дворянские мальчики от семи до одиннадцати лет получали эти знания. Указы подобного рода Елизавета возобновляла до 1760 года⁸⁵. На семьи, не желавшие учить своих детей, налагался штраф в 10 рублей — суммы, полученные таким манером, шли на приобретение книг для Славяно-греко-латинской академии в Москве⁸⁶.

Рост числа сторонников школьного обучения не укрылся от внимания иностранных наблюдателей. Уже в 1743 году царица выпустила указ, обязующий во всех приходах непременно обучать детей Закону Божию. Она основала несколько семинарий, одну из них — в Тобольске⁸⁷. В то же время до 1754 года только в кадетском корпусе и в Морском кадетском корпусе, среднее образование включало в свою программу языки и математику. Как одно, так и другое учебное заведение вмещало 350 воспитанников, обучение там длилось пять лет, а годовой бюджет доходил до 60 000 рублей. Если образование, которое обеспечивалось кадетам, вызывало у иностранцев единодушное восхищение, то в целом качество обучения русских по-прежнему оставалось невысоким. Большинство зарубежных дипломатов сетовало на ограниченность познаний тех, с кем приходилось иметь дело.

Знать и кое-кто из наиболее преуспевающих купцов стали призывать для своих детей франкоязычных наставников. Так Россия превратилась в истинное Эльдorado для авантюристов всех мастей, поскольку родители учеников зачастую были не в состоянии проверить, насколько обширны познания приглашенных менторов. На эту тему возникало множество анекдотов. Андрей Болотов рассказывал, как его учитель довольствовался тем, что заставлял воспитанника переписыва-

вать и зубрить наизусть слова и выражения, не давая ему ни малейшего представления о грамматике и синтаксисе. Но, по правде сказать, этот господин Миллер восполнял пробелы в собственных познаниях, щедро расточая своему ученику оплеухи и подзатыльники⁸⁸. Ситуация сложилась столь нетерпимая, что Елизавета выпустила указ, обязывающий западных учителей проходить проверку в Академии наук или в Московском университете⁸⁹. Если они этого экзамена не выдерживали, им запрещалось заниматься преподаванием в России. Историк Шлёцер, задавая вопросы одному из претендентов, попросил его дать точное определение слову «прилагательное». Тот ответил мгновенно, без запинок: речь, несомненно, идет о выдумке, недавно родившейся в голове какого-нибудь берлинского или парижского академика, ведь когда он покидал свою родину, заявил соискатель места учителя, никто еще слыхом об этом не слышал⁹⁰.

Начиная с 1750-х годов интеллектуальная и культурная Россия чем дальше, тем больше жила по французским часам, разрыв дипломатических отношений с Версалем не смог этому помешать. Некоторых такое положение вещей раздражало, слышались негодующие голоса, что это увлечение языком Расина, надобность его непременно учить побуждает маленьких русских забывать родной язык, а отсюда недалеко и до презрения к своей стране⁹¹. Это поветрие особенно захватило обе столицы и портовые города. В провинции дворяне использовали для обучения своих чад бывших крепостных, получивших вольную и успевших набраться кое-каких знаний. Эти же сельские грамотей служили своим господам заодно секретарями, коль скоро сами помещики, за редким исключением, и читать-то не умели. Осмыслив все эти отклонения, Шувалов распорядился провести реформу русской грамматики, поручив эту задачу Тредиаковскому и Ломоносову.

В Петербурге под началом Академии наук имелась гимназия, где обучались юноши различного происхождения, по

большей части сыновья военных. Москва же располагала только Славяно-греко-латинской академией, которая, по сути, являлась учебным заведением богословского характера. Число ее питомцев между 1725 и 1745 годами уменьшилось на две трети. Тому было много причин. Начать с того, что эта академия, получая от казны всего 4450 рублей в год, не могла прокормить своих питомцев, живущих там на полном пансионе⁹². Преподаватели-монахи были излишне привержены схоластике, кроме того, столь некультурны, что изумляли своим невежеством даже самых простодушных учеников. Единственный мирянин, преподававший в младших классах, некто Кудаков, в 1744 году по решению Синода был уволен.

Тем важнее и неотложнее была задача основать первый русский университет. Призванный сформировать интеллектуальную элиту страны, он, подобно Академии, должен был помочь России преодолеть культурное отставание от стран Запада. Ломоносов, какое-то время позанимавшись в уважаемом Марбургском университете, набросал первоначальный проект этого учреждения в письме к Ивану Шувалову в мае 1754 года. Предполагалось, что университет должен насчитывать три факультета: философии, медицины и права, где будут преподавать естественное право, гражданское право и нечто вроде политологии⁹³. Согласно православному обычаю, богословского факультета там не будет, поскольку изучение Священного Писания должно проходить под эгидой Синода. Преподавание надлежит вести на русском и латинском языках. Студентов должно набирать из числа выпускников двух гимназий, где ученики будут получать первоначальные элементарные знания, а также осваивать языки — русский, латинский и два иностранных: французский и немецкий.

Елизавета внимательно изучила этот проект и в январе 1755 года подписала указ об основании в Москве первого русского университета и предоставлении для него превосходного места рядом с Красной площадью⁹⁴. В этом указе была оговорка, которая не могла не удивить: дескать, учреждение

сие предназначается для всеобщего образования простолюдинов⁹⁵. Тем не менее крепостным туда поступать не разрешалось. Отбор наиболее достойных, к примеру, для дальнейшего обучения за границей производился исходя из заслуг, независимо от социального положения. Кроме всего прочего, дворяне, посылающие своих сыновей в университет, могли быть избавлены от обязательной службы — уникальный шанс, особенно тогда, ведь страна стояла на пороге Семилетней войны! Годы учения засчитывались как годы службы, это позволяло дворянам невысокого ранга добиться некоторых преимуществ карьерного роста⁹⁶. На лекциях могли присутствовать и вольные слушатели.

Императрица придавала новому начинанию величайшее значение. Недаром первые занятия университета были с символическим подтекстом назначены на 26 апреля 1755 года — годовщину ее коронации. В первые годы студенты ничего не платили за поступление, но вскоре государственных ассигнований, то есть 15 000 рублей, уже стало не хватать. Теперь от вступительных взносов были избавлены только беднейшие из студентов; иногда они получали даже стипендию, чтобы как-то существовать. Шувалов прибегал к помощи меценатов, побуждая к благотворительности богатейшие семейства вроде Строгановых и Демидовых, которые сами вышли из простолюдинов. Через год после основания университета фаворит добился дополнительного вложения средств в сумме 5000 рублей, чтобы создать библиотеку, открытую для всех. В апреле 1756 года по соседству, на Моховой, заработали книжное издательство и типография; там стали печататься «Московские ведомости», единственная газета, независимая от правительства, и журнал Хераскова «Полезное увеселение» — первое московское издание такого рода⁹⁷. Однако цензура их все же не миновала: им было запрещено касаться религиозных сюжетов и допускать какие бы то ни было напоминания о царствовании Анны Леопольдовны и Ивана VI — в противном случае издательству угрожали серьезные санкции, вплоть до закрытия.

Шувалов, которого, несомненно, подстегивало соперничество с Кириллом Разумовским, президентом Академии наук, и тем паче с его братом Алексеем, морганатическим мужем Елизаветы, своими московскими начинаниями бросал вызов столице. Академия откликнулась на такой всплеск культурной и научной активности Москвы: газета «Санкт-Петербургские ведомости», основанная еще в 1727 году, начиная с 1756 года стала издаваться на французском языке с приложениями. Член Академии и историк Мюллер стал выпускать «Ежемесячные Сочинения, к пользе и увеселению служащие» тиражом в 2000 экземпляров. Эта газета публиковала статьи понемногу обо всем, но преимущественно о добром отношении к животным или приводила обширные пассажи из Монтеня и Локка⁹⁸. Сообщения о новейших открытиях в области ветеринарии соседствовали там с подведением итогов торговли лошадьми на нижегородской ярмарке. Общеввропейская экономическая ситуация рассматривалась там исключительно с точки зрения интересов русского купечества. Другие материалы превозносили благотворность вакцинации против оспы⁹⁹, причем задолго до рекламной кампании Екатерины II, которая очень взволновала умы подданных, распорядившись, чтобы прививку сделали лично сй. И наконец, там же во множестве подробностей описывались достоинства картофеля, с которым русские познакомились в 1758 году во время оккупации Восточной Пруссии. Тем не менее давался совет картофелем не злоупотреблять, ибо некоторые гурманы уже расплатились жизнью за свою неумеренность.

Эта же газета сообщала также о последних географических исследованиях, предпринятых Академией. Так, в 1755 году она распорядилась составить подробное описание всех церквей и монастырей страны; Синод этому воспротивился, ссылаясь на нехватку средств. Но академики упорствовали и два года спустя представили перечень губерний с данными об их размерах и границах, а затем и список приходов, число и местонахождение коих были указаны с большой точ-

ностью. Но со временем, невзирая на поддержку Разумовского, продажи «Ежемесячных Сочинений» стали падать, дошли до 1250 экземпляров, а в 1764 году газета перестала выходить. А древняя столица вскоре обзавелась собственной Академией художеств. Великолепные идеи Штелина многих вдохновляли, и вот десять лет спустя после создания петербургской Академии изящных искусств Шувалову было поручено создать при Московском университете учреждение подобного же рода, посвященное живописи, ваянию и архитектуре, которое должно заслужить признание и за пределами страны. Оно получило в свое распоряжение средства, которые ставили его вне всякой конкуренции: 6000 рублей в год¹⁰⁰. Ле Лоррену и скульптору Жилле выдавалось годовое жалованье по 1000 рублей, причем за каждое произведение они получали отдельную плату.

В своем дневнике Штелин замечает не без язвительности, что хотя князю Хованскому, первому директору московской Академии художеств, платят 1000 рублей жалованья, на самом деле он и 1000 копеек не стоит. Другие русские также привлекали нелестное внимание ехидного немца. Излюбленной мишенью его насмешек стал Кокоринов — архитектор дрянной, поскольку заграничной выучки не приобрел, он и в Академии не слишком преуспевал, коль скоро речь шла о работе, в которой он ничего не смыслил, пока его не вознесли на это место. Преподаватели, призванные из-за границы, среди прочего благодаря рекомендациям Дидро и Вольтера, тем не менее предпочитали обосновываться в древней столице, подальше от светской суеты двора.

В ноябре 1757 года Шувалову удалось получить высочайшее соизволение на создание в Санкт-Петербурге второй Академии изящных искусств. Она предназначалась для того, чтобы послужить к вящей славе России как равной, если не сильнейшей, по части интеллектуальных возможностей соперницы великих европейских держав. Это новое учреждение усвоило то настроение общества и некоторых выдающихся его представителей, которое требовало, чтобы по-

средственные (или слывущие таковыми) иностранные художники не обогащались в ущерб отечественным. За это Штелин вскорости обвинил Шувалова, что он-де руководствуется исключительно меркантильными соображениями. Если послушать его, выходило, что зловредный антагонист не преследует никаких воспитательных целей, проявляет неспособность формировать общественный вкус и способствовать рождению искусства, которое, оставаясь русским, по сути, не замыкалось бы целиком в вопросах религиозных.

Тем не менее в 1758 году занятия в новой Академии начались. В ее программе значился французский язык — для кандидатов это стало еще одним соблазном. Шестнадцать студентов перешли сюда из московской Академии, к ним прибавилось еще двадцать два юноши, по большей части сыновья военных. Штелин потерял нескольких мастеров и немало учеников, это было настоящее кровопускание. А уж создание в лоне конкурирующей Академии граверной мастерской обернулось сущим бедствием: тут его без зазрения совести покинули Шмидт, Тайхер и несколько талантливых русских. Немец клял на чем свет стоит молодую Академию, растущую за счет старой, эту дочь, оскорбляющую свою мать¹⁰¹. А последней ничего не оставалось, как только считать потери: качество ее продукции понижалось, многие картины, изображавшие ежегодные празднества дней былых, приходили в негодность. Кунсткамеру, детище Петра Великого, предназначенную для того, чтобы, кроме демонстрации разных диковин, также способствовать возвышению искусств и наук, заполонила моль; коллекции гнили в подвалах, слишком часто затопляемых, когда Нева выходила из берегов.

Когда в 1760 году наконец встал вопрос о слиянии двух Академий, Штелин сопротивлялся как только мог. В гневе он обрушился на интриганов французов, обвинил их в неподобающем вмешательстве в культурную жизнь России. Он выдвигал известные доводы в пользу сохранения двух во многом различных учреждений: дескать, его маленькая Академия изящных искусств по-прежнему необходима для вы-

живания Академии наук. Средства, выручаемые от продажи карт и планов, служат подспорьем для ремесленников и подмастерьев, эти последние работают для издательства, барыши которого в свой черед питают академический корпус. Защищая собственную позицию, немец находил и другие аргументы. Ученые не смогут обходиться в своей работе без гравюр, изготовляемых в мастерских его учреждения. А разве двор, чтобы не сказать все благородное сословие, откажется от аллегорических изображений, без которых немисливо вообразить потолки и гобелены? Читатели тщетно станут искать заставки и виньетки в книгах, изданных Академией наук, если последняя будет лишена преимущественного права на услуги граверов...

Старый директор и о себе не забыл: в случае, если его Академию все-таки ликвидируют, он тем не менее отдаст себя в распоряжение конкурирующего учреждения, между прочим, его опыт и столь продолжительные труды заслуживают более высокого жалованья¹⁰². Шувалов не снизошел до того, чтобы прислушаться к речам академика; уж его-то сетования никогда не будут доведены до сведения Елизаветы. Москва одержала, таким образом, «косвенную» победу в научной и культурной борьбе. А Ломоносов, пользуясь поддержкой могущественного фаворита, одержал еще одну победу: смог дать стране литературный язык, сочетающий элементы разговорного и старославянского.

ЛИТЕРАТУРА ВО СЛАВУ ПРОГРЕССА

Елизаветинская эпоха ознаменовалась первым взлетом русской литературы. Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков соревновались в сочинении пьес и од. Столичная золотая молодежь была от них без ума, цитировала своих кумиров по любому поводу¹⁰³. Сумароков, чья подпись стояла под либретто первой русской оперы, в 1747 году стал также автором «Хорева» — первой трагедии, написанной русскими

стихами. Она была разыграна любительской труппой, состоявшей из кадетов. Заинтересовавшись успехом этого спектакля, Елизавета пригласила новоявленных комедиантов ко двору, где они представили новую пьесу Сумарокова «Синав и Трувор». Екатерина вспоминает это представление, по ее мнению — посредственное, в своих «Мемуарах». Однако в 1755 году «Меркюр де Франс» опубликовала критический отзыв на эту пьесу, где утверждалось, что она проникнута истинно русским духом, а ее сюжет взят из истории Новгорода. Таким образом, оригинальная русская словесность, едва зародившись, вызвала отклик за рубежом.

Императрица не могла расстаться с нашумевшей пьесой: она без ума влюбилась в Трувора, роль коего исполнял Никита Афанасьевич Бекетов, молодой человек лет восемнадцати. Она приказывала, чтобы спектакль повторяли иногда аж по три раза в день, что подчас совсем изнуряло возлюбленного комедианта. Этот последний стал любимчиком придворных дам, в особенности Анны Гагариной, прославившейся царицой соперницей с тех пор, как ею заинтересовался Иван Шувалов¹⁰⁴. Бекетов поражал актерским дарованием, но главное — своими красивыми голубыми глазами, привлекавшими все взоры. Комедиант неизменно одевался в любимые цвета государыни, его роскошные кафтаны были украшены алмазами. Костюмами и гримом труппы Елизавета занималась лично, она даже позволила комедиантам переодеваться в императорских покоях. Во время карнавала, когда вода в Неве поднялась, кадетской труппе было велено оставаться ночевать во дворце: что, если переправа по мостам сейчас опасна? Бекетова встречали в императорских покоях, на нем были кружева, перстни и часы, принадлежавшие ее величеству.

Вскоре Бекетов был произведен в сержанты, а несколько дней спустя — в премьер-майоры. Таким образом, армейский чин, повышение коего предполагает воинскую доблесть, можно было заслужить и постельными подвигами. Месяц спустя Разумовский взял Бекетова к себе адъютантом — пример по-

кладистости морганатического супруга. История эта была у всех на устах. Гадали, что могло означать согласие фаворита держать этого юнца подле себя — решил ли он так из любви к Елизавете или рассчитывал, что ради этой прихоти императрица отстранит от себя его главного соперника Ивана Шувалова? В мае 1751 года юный актер благодаря поддержке Бестужева стал полковником. Канцлер и вправду покровительствовал ему в надежде отделаться от Ивана, который, на его взгляд, был не в меру предприимчив.

Связь Елизаветы с Бекетовым не являлась ни для кого секретом: всем было любопытно, вытеснит ли он нынешнего фаворита из сердца этой легкомысленной женщины. Интриги оживились так, что дальше некуда, но Иван, по-видимому, нашел средство устранить опасного конкурента. Бекетов завел привычку собирать в своих апартаментах мальчиков из императорского детского хора и заставлять их петь. К некоторым из них он проявлял привязанность особого рода, сочинял для них стихи и песни. От прогулок на солнышке в их компании его кожа загорела и лицо покрылось веснушками. Шувалов коварно посоветовал ему пудриться. До ушей Елизаветы между тем дошло, что актера подозревают в педофилии; а ведь ничто ее так не возмущало, как мужской гомосексуализм. И тут-то случаю было угодно, чтобы она увидела своего любовника, прогуливающегося с этими мальчиками по аллеям Петергофа. И мало того: лицо красавца актера было все в угрях, что, несомненно, явилось следствием макияжа, который ему присоветовал недруг. Как многие ипохондрики, Елизавета боялась контактов с больными. Она незамедлительно покинула здешний дворец и поспешила в Царское Село. Отставному любовнику сообщили, что ему запрещено следовать за двором. Тут Бекетов захворал всерьез, его трепала жестокая лихорадка, начался бред, он что-то бормотал о своей связи с государыней — это ее задело не на шутку! Спеша избавиться от него, она отправила Бекетова в армию «за непотребное поведение». Но военные чины за ним сохранились, он сделал блестящую карьеру.

еру, сражался при Цорндорфе, Петр III произвел его в генералы и сделал губернатором Астрахани. Постарев, он удалился в поместье близ Царицына, подаренное некогда Елизаветой, и там предался литературе. Подобно большинству Елизаветиных фаворитов, он так никогда и не женился, но оставил после себя несколько незаконнорожденных дочерей и огромное состояние (100 000 рублей ренты). Что до Шувалова, он как ни в чем не бывало занял прежнее место при дворе и продолжил свою блистательную карьеру.

Эта злосчастная история нимало не охладила страсть Елизаветы к театру. Она также обожала народные представления, что разыгрывали молодые священнослужители и семинаристы. Они были близки к жанру «мистерии», поскольку им служили основой мифологические или библейские сюжеты. Тем не менее религиозная суровость царицы, исполненной почтения к православным канонам, оставалась нерушимой. В 1740-х годах в Петербурге шла «Рождественская мистерия», но Елизавета запретила выводить на сцену в качестве персонажа Пресвятую Деву — пришлось заменить ее иконой¹⁰⁵.

Постановки комедий и трагедий разыгрывались в боковом дворе старого Зимнего дворца. Другая сцена находилась в манеже, что близ Казанского моста, но там все опустошил пожар. Ответственность за катастрофу возложили на охрану: сторожа перепились, из-за этого помощь подоспела с запозданием. Елизавета приказала возвести театральное здание рядом с ее летней резиденцией, а также расширить залу в Петергофе. При всей своей любви к драматическому искусству, она так никогда и не решилась возвести здание театра по проекту, предложенному Валериани: в столице для него не нашлось подходящего места. В конце концов решение проблемы было поручено Растрелли, ему заказали проект переустройства театральной залы в пределах Зимнего дворца. Открытое уже Екатериной II, помещение это отличалось комфортом, по части роскоши и систем обеспечения безопасности оно считалось воистину имперским¹⁰⁶. Там было четыре

яруса с шестью десятками лож, еще три отдельные ложи с приданными им туалетными комнатами, не считая почетной ложи, предназначенной для императрицы и великого князя. Фронтон сцены, обращенный к залу, украшали часы с фосфоресцирующими стрелками: когда спектакль слишком затягивался, это избавляло зрителей от скучной надобности слишком часто вытаскивать из кармана собственные...

В 1752 году Елизавета прослышала, что в Ярославле возникла частная театральная труппа. Купеческий сын Федор Волков оборудовал в своем семейном доме сцену, на которой сам и выступал вместе с четырьмя братьями и несколькими друзьями. Их первая пьеса возникла под влиянием сочинения митрополита Дмитрия Ростовского (1651—1709), но вскоре они перешли к трагедиям Сумарокова и Тредиаковского, а также к переводам великих французских драматургов. Иногда они также разыгрывали сатирические пьески, созданные по следам каких-либо местных событий. В 1750 году Волков благодаря пожертвованиям своих почитателей собрал достаточно средств, чтобы построить собственный театр. Его труппа росла, в нее входили мужчины и женщины, происходящие из самых различных сословий. Очарованная рассказами об их достижениях, императрица пригласила комедиантов в Царское Село, где они выступили, ослепив ее своим искусством. Уступая настояниям Шувалова, она в 1756 году создала первый национальный театр¹⁰⁷. Выбрав четверых актеров из любительской труппы — двух братьев — Федора и Григория Волковых, Ивана Дмитриевского и Алексея Попова, — она послала их в кадетское училище, чтобы они там подучились. Сцена была оборудована в старом Головинском дворце, что на Васильевском острове; там молодые люди разыгрывали русские пьесы и драмы, переведенные с немецкого и французского языков. Немного позже Елизавета открыла в этом же здании первый национальный театр. Его директором она назначила своего любимого драматурга Сумарокова; труппу образовали четыре ярославских артиста, несколько украинцев и мо-

лодых женщин из Москвы и Петербурга. В качестве жалования им собирались платить по 5000 рублей в год, но вскоре эта сумма выросла до 8000. Сверх того комедиантам предоставлялось право на дополнительный заработок: дважды в месяц они могли выступать на сцене, расположенной близ Летнего дворца: входной билет на место в партере или на первом ярусе стоил два рубля, а за ложи, что находились выше, платили рубль. Елизавета и в Москве открыла один театр, его труппа составила из студентов, игравших тот же репертуар¹⁰⁸. Впрочем, Штелин не без ехидства замечает, что пьесы Сумарокова котировались куда выше, нежели драматические сочинения Ломоносова, его соперника в Академии наук, если не сказать личного врага. Театр занимал существенное место не только в ряду забав, коим Елизавета посвящала свой досуг, — она даже превратила его в аргумент высшей дипломатии. В самом деле: когда Семилетняя война, где Франция и Россия поневоле оказались союзниками, была в разгаре, царица настаивала, чтобы Людовик XV приказал двум французским актерам (мсье Лекену и мадемуазель Клерон) отправиться в Россию. Она полагала, что король может распоряжаться своими артистами, как ему угодно, и при желании может отослать их в Санкт-Петербург незамедлительно¹⁰⁹. Смущенный ответ кабинета министров, что актеры принадлежат не монарху, а зрителям Комеди-Франсэз, укрепил императрицу в лестном мнении о персоне Людовика. Она-то своими артистами пользовалась как ей заблагорассудится, публике оставалось только склоняться перед ее волей; она, разумеется, нежно лелеяла свой народ, но к забавам двора он доступа не имел. Это была государыня, идущая навстречу своим подданным, подчас даже самым скромным, ради собственного удовольствия, но уж никак не наоборот.

Если Елизавете было наплевать, из какой семьи вышли ее советники и любовники, по части происхождения артистов, писателей и ученых она проявляла еще больше терпимости. Стоило ей убедиться в их таланте, и она оказывала

им безоглядную поддержку. Судьба Михаила Васильевича Ломоносова — примечательный пример восхождения по социальной лестнице, облегченного благодаря такой открытости императрицы. Подобно ее фавориту Алексею Разумовскому, этот гениальный ученый и литератор был выходцем из престолярства. Сын рыбака, он родился в ноябре 1711 года в маленькой деревушке Архангельской губернии. Летом он с отцом уходил на китобойный промысел в Белом море, а зимой учился у попа читать и писать. Случайно ему в руки попали учебники Смотрицкого по грамматике и Магницкого по арифметике, это побудило его углубить свои познания¹¹⁰. Затем он отправился в Москву, где приобщился к латыни и записался в «Спасские школы»: в Славяно-греко-латинскую академию при Заиконоспасском монастыре, чтобы выучиться греческому. Монастырская библиотека оказалась слишком ограниченной, чтобы утолить его любознательность, и он попросил, чтобы его отправили в Киев для обучения математике, физике и философии. Но вскоре, разочаровавшись в тамошних учителях, вернулся в Москву. Однако случаю было угодно, чтобы в 1735 году президент Академии Иоганн Альбрехт Корф распорядился отобрать двадцать лучших учеников Заиконоспасской монастырской школы и отправить их на обучение в столицу. Ломоносов оказался в их числе, но вскоре он натолкнулся на главное препятствие — свое общественное положение. Однако Феофан Прокопович обеспечил ему свое покровительство в случае юридических осложнений, и молодой человек более не докучал ему из-за своих крестьянских корней. В двадцать четыре года Ломоносов поступил в Академический университет, где вскоре был замечен. В 1737 году его вместе с тремя другими воспитанниками университета записали в Марбургский университет изучать горное дело. При всех несомненных талантах, он раздражал профессоров своим пьянством, беспорядочными связями и долгами, которые накапливал без оглядки. Он открыл для себя немецкую поэзию и с большим тщанием сложил ямбом стихи о русских

победах над Оттоманской Турцией. Это произведение он послал Корфу; стихи декламировались при дворе.

Ломоносов женился на дочери своего квартирного хозяина-немца, которая родила ему девочку. Он же, преследуемый кредиторами, вскоре бросил семью и бежал в Голландию. Но на том его беды не кончились: будучи пьян, он украл деньги в прусском селении и тотчас был препровожден в тюрьму. Ему удалось оттуда ускользнуть и бежать в Амстердам, где русские агенты помогли ему проникнуть на корабль, идущий в Петербург. В июне 1741 года он становится преподавателем отделения биологии и естественной истории Академии наук. Спустя четыре года он получает там повышение, теперь он уже профессор химии и экспериментальной физики. Благодаря помощи Ивана Шувалова он в 1752 году создает первую лабораторию для изготовления стеклянной мозаики. Для этого он испросил у государыни 211 крепостных душ и земли в пойме двух речушек — Рудицы и Коваши. Все это ему тотчас было предоставлено, однако предприятие разорилось из-за плохого управления, а также, несомненно, по причине буйного нрава своего владельца и его разнузданного образа жизни¹¹¹.

Будучи великолепным физиком и химиком, Ломоносов угадал растительное происхождение янтаря и угля и независимо от Франклина понял роль электрической составляющей атмосферных феноменов. Но и литературный труд он не оставил. Обеспокоенный наплывом иностранных учителей, он написал первую грамматику русского языка и разработал теорию трех стилей — высокого, среднего и низкого — в зависимости от использования выражений, применяемых в литургическом или обиходном языке. После тщательного изучения русских диалектов он объявил, что язык, на котором говорят в Москве, по своему богатству и чистоте должен стать основой литературного, структура коего будет обогащена грамматическими и лексическими элементами церковнославянского.

Без особой подготовки подавшись в историк, Ломоносов осмелился обрушиться с критикой на своего соперника, немца Герхарда Мюллера, с его норманнской теорией происхождения русского государства. В глазах сына рыбака восточные славяне являли собой самобытный народ, отродясь не пятнавший себя смешением кровей. Такие речи понравились императрице. Мюллер расплатился за свою неосторожность: его на год сместили с профессорской должности. Исторический подход Василия Татищева вызвал большее одобрение, нежели позиция Мюллера, обозванная бреднями. Астраханский губернатор, несколько раз побывавший под судом за плутовство, Татищев предпочел посвятить себя ученым изысканиям. Тридцать лет он компилировал хронологические данные и переписывал свидетельства иностранцев, чтобы в результате на свет появился труд под названием «История Российская с самых древнейших времен». В 1749 году он послал Шумахеру письмо, где просил академика написать вступительное слово к первому тому. Эта задача была возложена на Ломоносова, который осчастливил автора личным письмом и целой серией од на религиозные темы. Татищев хотел подарить ему 10 рублей, но Ломоносов, всегда любивший показать себя важным барином, оставил эти деньги президенту Академии.

Елизавета проявила особую восприимчивость к одам, которые Ломоносов посвящал ей: стихи о ее посещении Москвы принесли поэту 2000 рублей награды¹¹². Она притворялась, будто понятия не имеет о том, каковы нравы сего гиганта, приводившего в замешательство даже самых терпеливых коллег. Под воздействием водки Ломоносов почем зря колотил своих немецких собратьев, в том числе Штелина, своего первого биографа; из личных записей последнего явствует, что поэт оставался плебеем, мужланом и сверх того слыл чрезвычайно жадным. Однако сын рыбака был не лишен проницательности — при условии, что не успел напиться. Лукавый Штелин наблюдал, как этот мужик изводил Третьяковского: Ломоносов упрекал драматурга в полном

незнании русского языка. Что до Сумарокова, он его откровенно третировал, как болвана и шута горохового¹¹³. Иностранцам Ломоносов, в общем, не доверял, опасаясь с их стороны двоедушия и интриг и желая ускорить обучение будущих русских исследователей.

Ломоносов мечтал создать литературу и науку, «национальные» по самой сути, но ни в чем не уступающие западным. Благодаря поддержке Елизаветы, неизменно чувствительной к патриотическим чувствам, и помощи Шувалова он добился того, что в Академию вступили многие русские, в том числе натуралист Степан Крашенинников, астрономы Никита Попов и Андрей Красильников, медик Алексей Протасов. Для своих современников, мало сведущих в ученых материях, сын рыбака был прежде всего выдающимся поэтом и оратором. Его вдохновенные, неумеренно хвалебные оды отражали чувства и надежды всего народа или по меньшей мере его мыслящей части. В своих религиозных стихах он взывал к Богу, возвестившему о себе посредством заложенных им нерушимых законов природы. Его «Вечернее размышление о Божием величии» славит природу, ее могущество. Он воспеваает Петра Великого как русского «культурного героя», а его дочь — как единственную продолжательницу реформаторских начинаний своего отца. Пламенный гений, он публикует множество книг — тут и неисчислимые исследования по химии, и посвященное великому князю Петру руководство по риторике, и размышления о пользе богословских трудов, и на французском языке «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии...» (1754). Первый том вольтеровской «Истории Российской империи при Петре Великом» вызвал у него язвительные придирки, за которыми угадывалась забота государыни о том, чтобы показать величие своей страны, даже если ради этого пришлось бы подретушировать историю и соответственно подправить некоторые сведения, даже касающиеся географии и климата¹¹⁴. Гениальный химик превоз-

носил также славу империи, которая зиждется на достижениях науки, искусства, ремесел, образования, да к тому же и на военной мощи. Он призывал российскую землю рожать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов», дабы отодвинуть на задний план западных преподавателей, которых он считал слишком самонадеянными. Такая поэзия как нельзя полнее отвечала чаяниям Елизаветы, которая видела залог величия своей империи прежде всего в культурных богатствах, а ее протяженность и материальные ресурсы почитала фактором хоть и важным, но все-таки второстепенным.

Отношение государыни к Василию Кирилловичу Треднаковскому резко отличалось от той подчеркнутой симпатии, которую она выказывала Ломоносову. Треднаковский тоже вышел из незавидной среды: сын священника из Астрахани, он был первым простолюдином, которому посчастливилось получить гуманитарное образование в Париже. Став в петербургской Академии профессором риторики, он был вынужден слагать стихи и сочинять речи по любому, даже самому мелкому поводу. Царицены фавориты и придворные обходились с ним до известной степени как со слугой-грамотеем. Его главное произведение «Телемахиды» — стихотворный перевод гекзаметрами прозаического романа Ф. Фенелона — вызывало насмешки коллег, знавших перевод в рукописи. Особенно изощрялся Ломоносов, который нашел в этом повод очернить своего недруга.

Александр Сумароков, по происхождению дворянин, сделал литературу своей профессией. В глазах придворных и фаворитов он тем самым возвысил это призвание¹¹⁵. У него хватило ума избегать жанров, в которых блистал Ломоносов, и сосредоточиться на театре: он сначала сочинял сатиры, мишенью которых стали чиновники, а под конец басни, вдохновленные Эзопом и Лафонтеном. Еще Сумароков писал бесчисленные трагедии в манере Расина, а также при-

лежно переводил Мольера. Страстно увлеченный Вольтером, с которым он переписывался и которого переводил, он хотел стать в некотором смысле родоначальником русской журналистики и первым литературным критиком. Начиная с 1759 года писатель выпускал первый русский литературный журнал, он назывался «Трудолюбивая пчела», там печатались исторические очерки, элегии, критические заметки и в сокращенном варианте — драмы его сочинения. Публика вскоре утратила к «Пчеле» интерес, так что к концу года она перестала выходить. Другое специализированное издание — газета «Литературный хамелеон» — печаталась на французском языке в середине 1750-х годов, ее выпускал протеже Шувалова барон Чуди, но и она не имела успеха. Однако Сумароков не поддавался унынию, он взялся издавать еженедельник «Досуг», заполняя его собственного изготовления прозой, стихами, просто шутками; его безделки затем передавались из уст в уста.

Таким образом, патриотизм императрицы послужил толчком к появлению новой литературы, пронизанной барочными мотивами. И он же способствовал всеобщему увлечению изящной словесностью, в особенности поэзией и театром. Оно охватило всю читающую публику обеих столиц. Такое стремительное культурное развитие, поощряемое Елизаветой, опровергает миф, созданный ее хулителями, якобы она отродясь не открыла ни одной книги, ссылаясь на то, что чтение вредно для глаз! Императрица, напротив, любила книги, коллекционировала произведения всех жанров, они по ее приказу хранились в библиотеке Академии наук. Ее неоднократно заставляли с книгой в руках, погруженной в чтение, особенно увлекавшее ее, когда речь шла о поэзии анакреонтического толка, воспевающей любовь пастухов и поселянок¹¹⁶. Не чуждая меценатству, она на заре своего царствования покровительствовала Кантемиру, который посвятил ей целую кину подготовленных к печати творений. Позже она финансировала публикацию оригинальных произведений и переводов самых значительных писателей своего

времени — Третьяковского, Сумарокова и, разумеется, Ломоносова. Во времена ее царствования национальная элита была охвачена восторженным почитанием чисто русского духа и традиций. Однако императрица хранила верность реформаторским замыслам своего отца, что способствовало открытости России в отношении Запада. Организуя высшие учебные заведения, создав Московский университет, способствуя появлению русского театра и русской музыки, она тем самым подготовила культурное пространство, на котором могло наконец зародиться подлинное многообразие умственной жизни.

ПРИСТРАСТИЕ К ТВОРЕНИЯМ МУЗ

В свои юные годы, будучи отстранена от двора, Елизавета не часто имела случай наслаждаться музыкальными спектаклями, которые давала Анна Иоанновна. Судя по всему, она не присутствовала на постановке первой оперы, состоявшейся при дворе в 1737 году. Эта опера по имени ее героя носила название «Abiasare» («Abiasare», вернее «Albiazzare», по-русски — «Абиацар») и являлась сочинением итальянского композитора синьора Франческо Арайи, неаполитанца, которому предстояло долго пробыть в России, сделав завидную карьеру. Он устроил так, что сюда прибыли вслед за ним кастрат Салетти, гобоист Стацци и даже либреттист Бонекки. Арайя стал, что ни год, выпускать новую оперу, и все о подвигах мифологических героев — «Сципион», «Арзак», «Селевк». Музыкальная жизнь Санкт-Петербурга в ту пору очень оживилась; там устраивалось множество концертов. Сменяли друг друга симфонии Доменико Далолио, концерты для скрипки Лунджи Мадониса — императрица присутствовала на них и, как тонкая ценительница, аплодировала только тогда, когда концерт ей в самом деле нравился. А ее фавориты и придворные следили за реакцией государыни и, если видели, что она разоча-

рована, без стеснения освистывали неудачливого или впрямь недостаточно искусного музыканта.

Анна Иоанновна, не зная ни французского, ни итальянского языка, предпочитала, чтобы в операх пели по-немецки. Однако германские певцы и актеры подвергались тайным преследованиям со стороны обер-шталмейстера двора графа фон Левенвольде. Сказать по правде, они были готовы на все, лишь бы подзаработать, и опошляли свое искусство тем, что давали уличные представления. Простой люд Санкт-Петербурга забавлялся, глаза на «театральные глупости» самого что ни на есть дурного вкуса. Немецкие артисты со своими посредственными комедиями, требуя за вход от одной копейки до четырех, пользовались бесхитростным успехом. Их французские конкуренты, в ту пору появляясь в России лишь изредка, там не котиrowались. Единственное в своем роде описание спектаклей, которые давали заезжие из Франции искатели удачи, нам оставил Штелин (правда, он был изрядным франкофобом). Он обвинял их, что они невзлюбили кастратов, поскольку те поют слишком хорошо. Если верить ему, французы предпочитали «самцов неурезанных», которые «каркают» истошным фальцетом, издавая рулады, напоминающие «щелканье аистинного клюва». Сверх того эти дилетанты не обучены подобающим образом играть на клавесине. Каждый руководитель оркестра, достойный так называться, играет на нем, одновременно дирижируя. А клавесинист мсье Камбер (которого Люлли выгнал из Версаля) прибегал к услугам особого капельмейстера, даже во время речитативов тархтевшего, «будто перечная мельница», так отбивая ритм, что заглушались голоса певцов¹¹⁷.

Штелин не имел случая посещать Летний дворец, где в то время играли комедии и трагедии, ставились балеты «хорошего французского вкуса». Царевна Елизавета брала уроки танцев у балетмейстера Фоссано и побуждала своих приятельниц следовать ее примеру. Но она не пренебрегала и народными плясками, участвовала в них вместе с местны-

ми крестьянками. Этот опыт, когда она пришла к власти, сыграл решающую роль в развитии оперы и балета: музыкальное искусство, вывезенное из Франции и Италии, в годы ее царствования впервые подверглось трансформации благодаря вторжению русских фольклорных ритмов.

После смерти Анны Иоанновны вся музыкальная и театральная жизнь замерла на год. Композитор Арайя использовал это затишье, чтобы возвратиться в Италию. Там он узнал о восшествии на престол Елизаветы. И вскоре получил распоряжение, не жалея имперской казны, набрать для России лучших артистов своей страны. Новая государыня прогнала прочь жалкую труппу немецких комедиантов. Она желала полностью, до основания преобразить культурную жизнь империи. В первое время она пыталась, не порывая с традицией, воспитать вкус публики посредством спектаклей, поставленных итальянскими и французскими мастерами, а тем временем вырастить своих, русских музыкантов. Арайя возвратился в Санкт-Петербург с кастратом Салетти, близким к Фаринелли, с гобоистом Стацци, скрипачами Тито, Пассарини и Вокарн, с придворным стихотворцем Бонекки и художником Джузеппе Валериани, одним из учителей Пиранези, знаменитым по своим работам в технике «*trompe-l'oeil*», которого Штелин без колебаний ставит на одну доску с такими людьми, как Фердинандо Бибиена. Не менее важным событием стал приезд балетмейстера Фоссано с женой Антониной. Когда двор находился в Петергофе, все эти артисты не реже чем раз в неделю устраивали концерты, где вокальные номера чередовались с инструментальной музыкой¹¹⁸.

Церемонии коронации были сопряжены с глубочайшими потрясениями в жизни русской сцены. Елизавета повелела построить в Москве большой оперный зал на 5000 мест, надзор за его оборудованием был поручен Штелину. Там состоялась постановка оперы Хассе «Милосердие Тита» («*Clemenza di Tito*») с прологом Далолио «Россия удрученная и утешенная», где прославлялось возрождение России

с появлением на горизонте новой Астреи, дочери Петровой, покровительницы искусств вообще и этого спектакля в частности. Достоинства новой государыни превозносились там с такой страстью, что главное заинтересованное лицо, внимая таким хвалам, заливалось слезами умиления. Режиссура и подбор музыкантов для оркестра были доверены все тому же Штелину. Качество исполнителей изменилось: место лакеев и крепостных заняли молодые дворяне и кадеты — они служили статистами, а в главных ролях выступали профессионалы итальянского происхождения. Хористов же набрали из императорской капеллы, по большей части это были украинцы. Хореографией ведал балетмейстер Ланде, он придумал использовать в постановке детей императорских стольников. Штелин со своей стороны неоднократно вмешивался, переделывая либретто: так, ему показалось смешным, что Тит собственной персоной участвует в хоре, восхваляющем его доброту. Он поделился своими соображениями с Елизаветой, и она распорядилась, чтобы певцы из императорской капеллы воспели Тита сами, без его помощи. Слова итальянского текста были переписаны кириллицей, чтобы пятьдесят русских певцов смогли воспроизвести их без ошибок. Императрица лично присутствовала на репетициях. Все дворянство нетерпеливо ожидало этого спектакля. Некоторые зрители явились в театр за шесть часов до поднятия занавеса, чтобы занять лучшие места. Состоялось в общей сложности три представления. И всякий раз зал был полон. На премьере иностранным представителям пришлось признать, что они никогда еще, ни в Италии, ни во Франции, не слышали такого гармонического звучания голосов. Итак, демонстрация получилась убедительная. Отныне певчие из капеллы участвовали во всех оперных постановках, где требовался хор: с итальянской музыкой они ладили безукоризненно. Штелин по сему поводу высказывает новаторское замечание: если его послушать, русский язык пригоден для пения наравне с итальянским, а может

быть, и даже лучше благодаря звонкости своих гласных и звучности согласных¹¹⁹.

Елизавета распорядилась перестроить театральную жизнь по самой ее сути. Следуя своим франкофильским наклонностям, да и, несомненно, находясь под влиянием пылкого Шетарди, она стала содействовать притоку в Россию французских артистов. Антрепренер Сериньи получал 25 000 рублей в год за поддержание в русской столице театрального искусства. Ему обеспечивали все — декорацию, музыку, сценические помещения. Дворянству так вскружили голову спектакли, что иные знатные господа даже дарили актерам костюмы, расшитые золотом и серебром. Музыкальное искусство достигло невиданного расцвета к 1750-м годам: музыканты и певцы за твердое жалованье услаждали слух царицы и придворных, но имели также право за входную плату выступать на импровизированных сценах. Притом надобно заметить, что эти оперы, чье либретто было писано по-итальянски, приходилось неукоснительно переводить на французский и русский. Зачастую императрица присутствовала на этих представлениях инкогнито: не возвещая о своем прибытии, украдкой проскальзывала в свою собственную ложу и занимала одно из тех мест, что предназначались для ее любовников. Знать нанимала ложи у сцены и ложи бенуара за 300 рублей в год, украшая их по своему вкусу. Вход в партер стоил рубль. Там можно было не снимать шубы, входить, садиться и уходить сколько угодно. Эти спектакли сопровождались фейерверками — это потешное ремесло усилиями Штелина достигло в России высот искусства. Принимались существенные меры во избежание пожаров, сцену из этих соображений покрывали грубошерстной тканью¹²⁰.

В 1756 году Елизавета наконец распорядилась, чтобы неподалеку от Аничкова дворца был построен оперный театр. Она предназначала его для музыкальных представлений труппы Арайи. Балеты и комические оперы ставились в зале, оборудованной близ Летнего дворца. В Москве музыкальное искусство такого успеха не имело: театр по зим-

нему времени дурно отапливался, а летом местная знать предпочитала уезжать в свои загородные поместья. Что до артистов, они зато пополняли свои кошельки, давая частные уроки пения, танцев и музыки.

Вкусы русского двора были разнообразны. Так, здесь большим успехом пользовалась зажигательная музыка в турецком вкусе. Один из музыкантов оркестра получил возможность побывать в Константинополе в составе императорской миссии; познакомившись с «музыкой янычаров», он научился ей подражать, слагать сочинения для дудки и свирели. Елизавета была очень довольна, долго аплодировала и приказала создать оркестр турецкой музыки, состоящий из двенадцати человек. Придворные и фавориты приходили в восторг от этих монотонных «варварских» мелодий, производивших, если верить Штелину, ужасающий шум; удовольствие, доставляемое ими, служило своего рода контрапунктом к впечатлению от музыки классической, европейской, позволяя тем тоньше оценить ее гармоническое звучание¹²¹. Семен Нарышкин организовал любительский оркестр духовых инструментов, причем музыканты были столь прекрасно обучены, что их игру издали можно было принять за звуки органа. Очарованная их искусством, императрица пригласила этих людей в Царское Село, где они, наряженные в богатые костюмы, регулярно играли под открытым небом в то время, когда она прогуливалась по парку. Летними ночами они также подплывали на лодках и играли, останавливаясь напротив императорской резиденции¹²².

Оперы можно было ставить не только в императорских дворцах и на подмостках государственных театров. Скажем, казачий гетман Кирилл Разумовский держал оркестр из сорока человек в Глухове, в своей украинской резиденции. В Петербурге эти исполнители впервые выступили в 1753 году, в личном дворце фаворита. Среди певцов там был молодой украинец Гаврила Марценкович, прозванный Гаврилушкой,

чья тесситура позволяла ему исполнять самые трудные арии. На Елизавету он произвел такое впечатление, что она приказала создать первую оперу, где артисты пели бы по-русски, притом со всеми изысками итальянской школы голосоведения. Арайя, даром что русского не знал, послушно сочинил на текст А.П. Сумарокова оперу «Цефал и Прокрис» с сюжетом, позаимствованным из «Метаморфоз» Овидия. Было поставлено условие: все певцы и музыканты должны быть юными и происходить из России. Премьера состоялась в разгаре маскарада перед переполненным партером. Государыня, весьма довольная, горячо рукоплескала. Всех солистов она одарила новыми костюмами, Арайя же получил соболью шубу и 500 рублей золотом. Успех был огромный, весь Санкт-Петербург взволновался, публика валом валила на многожды повторяемые представления этой оперы. Слушателей восхищала не только безупречная техника артистов, способных справиться с самыми головокружительными каденциями, — сама их игра, естественность жестов были не менее удивительны. Все это привело к созданию первой постоянной русской оперной труппы. В 1760 году по случаю празднования годовщины восшествия Елизаветы на престол состоялась вторая оперная постановка на русском языке. Это произошло в Петергофе в присутствии саксонского наследного принца. Автором оперы был немецкий композитор Раупах.

В 1757 году в Россию с целым карнавалом музыкантов и балетной труппой прибыл Джованни Локателли. Его оркестр состоял из итальянцев, немцев и русских. Труппа выступала в дворцовых парках, где публика бурно рукоплескала се фарсам, подчас сомнительным с точки зрения изящного вкуса. За его первый официальный спектакль «Убежище богов», поставленный в честь государыни, последняя отвалила Локателли 5000 рублей. Ободренный таким успехом, а также желая приумножить свои доходы, Локателли за большие деньги создал в Москве театр комической оперы. Несколько месяцев успех сопутствовал ему, потом зрительная зала опустела — отчасти по причине, о коей упоми-

налось выше, но здесь, несомненно, прибавился и такой фактор, как крайний религиозный консерватизм москвичей и предрассудки в отношении оперного искусства, которые в новой столице уже сгладились. Тем не менее Елизавета попросила итальянца остаться в Москве, чтобы учить молодых русских певцов; осознав, что ее народ одарен музыкальностью свыше, она оценила экономию, которую может принести замена русскими артистами иностранцев, которые, обходясь казне куда дороже, при этом не обязательно превосходят местных уроженцев по части таланта¹²³.

Симфоническая музыка впервые зазвучала в России при Петре Великом. Ее дебют был скромным, если не робким. Камерный оркестр привез в страну зять государя Карл Фридрих Голштейн-Готторпский. Петру музыка понравилась, он приказал, чтобы оркестр выступал при дворе раз в неделю. Это побудило многих молодых русских подражать немецкой музыке. Петров внук, будущий Петр II, учился играть на виолончели. Но это придворное увлечение потом заглохло и вновь ожило лишь после прихода к власти Анны Иоанновны, которая стала приглашать в страну виртуозов-исполнителей и учителей музыки. Среди русской знати вскорости обнаружилось немало талантов. Так, юная княгиня Кантемир, наделенная блистательным сопрано и умевшая сама себе аккомпанировать на пианино, овладела партиями, которые Арайя сочинял для своих кастратов. Князь Петр Иванович Репнин так играл на поперечной флейте, что мог всерьез соперничать с профессионалами, равно как Александр Строганов, не на шутку увлекшийся виолончелью. Братья Трубецкие часто составляли трио: один играл на клавесине, другой на виолончели, третий на скрипке¹²⁴. Да, по правде сказать, пример им подавали иностранные представители. Англичанин Вич, великолепный клавесинист, давал при дворе концерты, но в отсутствие императрицы на сцене сам не появлялся, считая такое время потерянным, а сочинял квартеты и трио, исполнение коих поручал затем своим лакеям. Саксонский посланник Фицтум фон Экш-

тедт, сам будучи отменным клавесинистом, ввел при русском дворе такое новшество, как тамбурин: взбодрившись вином, он подбивал сотрапезников потанцевать под звуки этого инструмента. А еще сей дипломат преобразовал свою трость в поперечную флейту, причем речь шла о самой обычной трости, служившей своему хозяину как во время прогулок, так и для импровизированных концертов. Появилась в России и «мюзет», парижская волынка, но она не пришлась по душе великому князю, поскольку он не смог научиться на ней играть. Она была изгнана из дворца, но золотая молодежь Санкт-Петербурга с ума от нее сходила, как, впрочем, от всего, что шло из Франции, и вплоть до конца царствования Елизаветы она звучала на всех праздниках¹²⁵.

Далوليو, бывший, кроме всего прочего, великолепным скрипачом, увлекся идеей, что можно сочинять симфонии в русском духе, ловко вплетая в свои аллегро, анданте и престо мотивы, взятые из русского фольклора. Исполнение этих симфоний во время придворных концертов стало обязательным. Ассессор Академии Теплов, который и сам был знатоком и любителем музыки, стал издавать сборники русских арий, сочиненных на слова Сумарокова и молодого Елагина; эти партитуры расходились по весьма дорогой цене. Мадонис в свой черед принялся сочинять сонаты на основе украинских мелодий, а Фоссано писал кадрили и создал балет на славянские мотивы. Структура всех этих сочинений строго соответствовала классическим нормам, властвующим на западноевропейской сцене, но музыкальные темы начиная с 1740-х годов приобрели русский национальный колорит, к немалому удовольствию государыни и знати, включая даже тех, кто успел более прочих приобщиться к европейской культуре.

Штелин с гордостью констатировал, что вкус публики отменно развился, она более не согласится, чтобы ей скармливали невесть что. Посредственный музыкант не соберет слушателей, а шарлатан может рассчитывать, что слушатели сами зададут ему концерт — освищут. Гобоист Стации

имел случай на горьком опыте убедиться: сам факт, что ты прибыл из Италии или Франции, более не является в глазах любителей залогом неоспоримого мастерства. Однажды этому музыканту не в добрый час взбрело в голову сыграть на поперечной флейте. Низкие ноты у него получались почти неслышными, верхние пронзительными, инструмент звучал тускло, а халтурные крещендо смахивали на бляение козы. Слушатели стали обмениваться замечаниями, чем дальше, тем громче, а под конец разразились издевательским хохотом: теперь русское общество научилось безошибочно отличать профессиональную игру от любительской¹²⁶. Удар для итальянца был тем чувствительнее, что князь Репнин своей игрой вызвал восторг публики. С тех пор Стацци больше не осмеливался прикасаться к поперечной флейте.

В те годы не один певец и танцор создал себе в России состояние. Кастрат Салетти, уйдя в отставку в 1755 году, вернулся в Италию, осыпанный богатыми дарами: от Елизаветы он получил золотую табакерку и 1000 дукатов, из коих 500 исходили от Разумовского. Место Салетти занял Джузеппе Миличо — если верить Штелину, это была плохая замена: музыкантом этот человек был, конечно, хорошим, но его голос, даже когда он губ не разжимал, более походил на вой, нежели на мелодичное пение. Другой кастрат, Путини, был одарен редкой музыкальностью, но голоса не имел.

Семилетняя война не подавила театральную жизнь — Франция, став опять союзницей России, теперь поставляла туда большинство заезжих музыкантов. Ее посол маркиз де Лопиталь лично занимался отбором флейтистов, кларнетистов и гобоистов, которым полагалось также обучать своему искусству юных москвичей и петербуржцев.

Западная музыка становилась известна русским благодаря концертам, спектаклям и партитурам, но также благодаря замысловатым механизмам, способным воспроизводить любую заданную мелодию. Это было некое подобие варварских органов. Одна из таких машин, изготовленная в Англии из красного дерева, часами могла наигрывать концерты

Корелли, Альбинони и Генделя. Истукан, изображающий композитора и снабженный бумажным свитком, отбивал такт. Изобретатель Уинроу, гордый своим детищем, допустил грубый промах: показал публике машину прежде, чем представить ее Елизавете. Последняя, прогневавшись, отказалась выплатить ему 15 000 рублей, которые он запросил за это изобретение, и машина была отправлена обратно в Англию после внезапной кончины своего конструктора¹²⁷.

Штелин в своих записках посвятил восторженный пассаж рассмотрению успехов искусства танца в России. Этой областью культуры на протяжении десятилетия ведал француз Ланде, который публично заявлял, что всякому, кто хочет увидеть, как танцуют менуэт по всем правилам и при этом с полнейшей непринужденностью, надлежит отправиться к русскому двору¹²⁸. Балет был введен в придворный обиход в 1736 году танцовщиком Фоссано, учителем юной Елизаветы, который впоследствии преуспел в Лондоне и Париже. Среди фигурантов особой гибкостью движений выделялся будущий камергер Чоглоков. Настоящий же кордебалет организовался после того, как в 1738 году Ланде был назначен балетмейстером. Труппа, которую он собрал, состояла сплошь из молодых русских простого звания. Их обучали и воспитывали на средства двора. Этих высоких, тонких юношей и девушек подвергали ежедневным тренировкам. При надобности труппа дополнялась новичками, отобранными исходя из тех же физических данных. Первые кордебалет испытал минуты славы во время коронации Елизаветы в Москве. Согласно вкусам государыни, кордебалету пришлось тоже пуститься в пляс по-народному. Она и сама, нарядившись местной крестьянкой, присоединилась к ним, не уступая юным профессионалам в грации движений. Штелин не может не удивлять нынешнего читателя своими наблюдениями той поры: он уже настаивал, что русский народный танец — явление, в Европе уникальное, изящество его движений, смелость прыжков в соединении с гар-

монией напевов и виртуозностью музыкантов представляются собой, как он считал, нечто несравненное¹²⁹.

1748 год стал поворотным в истории русского балета. Скончался Ланде. Многие танцовщицы повыходили замуж и оставили сцену. Антонина Фоссано решила вернуться в Италию, и ее муж уступил: последовал за ней. Но Елизавета, удрученная распадом своей труппы, уговорила Фоссано вернуться и поручила ему задачу возродить кордебалет, набрав танцоров, обученных новейшим достижениям балетной техники. И вот он снова объявился в Санкт-Петербурге с французскими и итальянскими солистами, чье участие повысило уровень императорского балета. Труппе предоставили отдельную сцену в парке Летнего дворца; там они танцевали, взимая ту же входную плату, что и комедианты (от одного рубля до трех сотен). Успех был громадный, иностранные посланники и ценители единодушно восторгались, твердили, что этим танцовщикам нет равных в Европе. Залы буквально ломились от публики, особенно когда балерины Саччи и Белуцци танцевали «Похищение Прозерпины»; зрителей особенно привлекали также «Амур и Психея» и «Пирсы Клеопатры». Обожатели как той, так и другой солистки вдохновлялись модой, снова, в который раз, пришедшей из Парижа. Выдумали особую систему, позволяющую при рукоплесканиях не утруждать свои ладони: они запасались маленькими дощечками, на которых было выгравировано имя их кумира, и прикрепляли к своим пальцам либо запястью. Таким образом, выходило, что они приветствуют любимых артисток, не причиняя себе ни усталости, ни боли. И говорить нечего, что спектакль, который разыгрывался на сцене, порой очень страдал от галдежа и воплей не в меру ярых «фанатов». В 1759 году многие танцовщицы уехали из Петербурга вследствие нажима со стороны Локателли, который держал свою собственную труппу, предназначенную для дивертисментов, по временам прерывавших оперу. Венский двор тотчас выслал туда хореографа Гильфердинга в сопровождении нескольких статистов. Дар

не выглядел неожиданным, ведь Елизавета в те дни грози-лась покинуть коалицию, объединившую французов, авст-рийцев и русских против Фридриха II. С прибытием Гиль-фердинга балет снова расцвел. Как великолепный педагог, он за короткое время обучил двадцать русских танцовщи-ков. Он привнес в их искусство новый стиль, навеянный пасторальной поэзией. На сцене запорхали пастушки, ры-баки, звери всех видов на фоне горного пейзажа, требую-щего значительных усовершенствований в сценической ме-ханике.

Свидетельства Штелина подтверждают важность елиза-ветинского царствования для зарождения в России театраль-ного искусства, первый взлет которого пришелся на 1750-е годы. Русские опера и балет, развившись под сильным влия-нием итальянских и французских образцов, сохраняли все же известное своеобразие. Фольклорный элемент присут-ствовал там изначально, поскольку исполнителями явля-лись местные уроженцы, но вместе с тем наблюдалась и не-сомненная виртуозность, как пластическая, так и вокальная. Анализируя успехи оперы и балета, Штелин испытывает потребность вникнуть в специфику русской музыки: он ищет ее истоки в народном творчестве и в литургических песно-пениях, признавая важную роль этих последних в станов-лении традиций вокала.

Архиепископы и монастырские настоятели содержали свои частные капеллы, насчитывающие по десять — двадцать певчих, которые участвовали в богослужениях, но также выступали и для увеселения местных господ, особенно во время праздничных пиров. Тогда сотрапезники могли од-новременно оценивать изысканные блюда и сопровождаю-щие их мотеты на церковнославянском. Государыня, глубо-ко верующая, ревностно исполняющая обряды и наделен-ная красивым голосом, без колебаний принимала участие в концертах своей капеллы. Она вкладывала в ее содержание внушительные суммы, искусство императорских певчих вос-хищало иностранных наблюдателей, благо православные ли-

тургии им были в новинку. Как в церквах, так и в частных капеллах певчих и диаконов набирали из тех, кто отличался музыкальными способностями. Счастливые избранники, зачастую уроженцы Украины, с детских лет приобщались к религиозным песнопениям. Кое-кто из них и сам сочинял мелодии; они представляли свои творения руководителям хора, а те, оценив качество, либо включали их в свой репертуар, либо нет. Будучи вхожим в дом генерального прокурора Трубецкого, Штелин заметил, что по поводу каждого дня рождения или иного праздника гости собираются, чтобы аплодировать импровизациям, которыми забавляется священнослужитель¹³⁰. Частные капеллы этого рода, составленные из любителей, существовали во многих русских городах, в том числе в отдаленных провинциях. Певчие активно участвовали в больших религиозных праздниках, а в случае провала принимались бродить от села к селу, расточая верующим свои пазидания. В глазах Елизаветы все, что касалось искусства, несло на себе отблеск величия ее родины; итак, хоры стали неотъемлемой частью своеобразного религиозного обихода страны, следовательно, они заняли значительное место и при дворе императрицы.